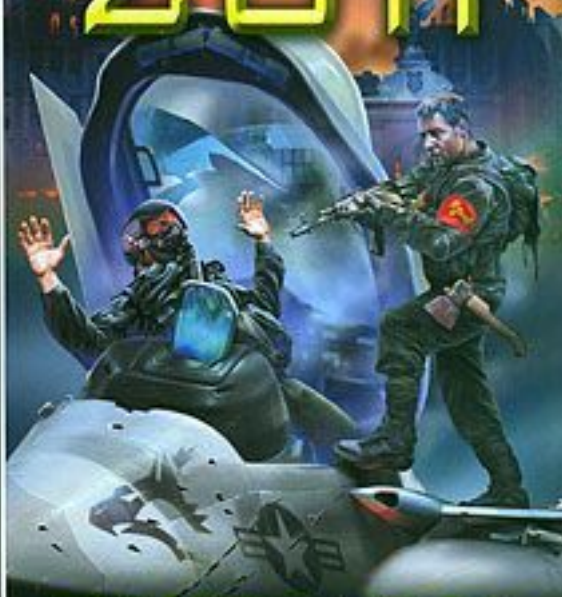

Федор БЕРЕЗИН

ВОЙНА 2011

ПРОТИВ НАТО

Федор Березин

Война 2011. Против НАТО

«Махров»

2010

Березин Ф. Д.

Война 2011. Против НАТО / Ф. Д. Березин — «Махров», 2010

Ближайшее будущее. Преданная собственной «элитой», Украина оккупирована американскими войсками. В небе барражируют боевые самолеты НАТО. Остров Змеиный захвачен румынами, турки высаживаются в Крыму. «Демократический» Запад старательно не замечает агрессии, Киев молчит, украинская армия не оказывает сопротивления захватчикам. Но остались еще люди, верные воинскому долгу и офицерской чести, — и горят натовские «ястребы», сбитые мятежным ракетным дивизионом, истребительный авиаполк отказывается подчиниться приказам киевских капитулянтов, а городские партизаны устраивают оккупантам ад на земле... Новый проект автора легендарных «Красных звезд»! Самый жесткий и «неполиткорректный» роман звезды футуристических боевиков! Продолжение бестселлера «Война 2010. Украинский фронт», запрещенного «оранжевыми» на Украине!

© Березин Ф. Д., 2010

© Махров, 2010

Содержание

1. Мезоны, сталкеры и долларовый поток	6
2. Весовые категории	8
3. Голуби почтовые и не очень	11
4. След врага	13
5. Майна! Вира!	17
6. Неуставные примочки	20
7. Сдача вторсырья с перевыполнением	24
8. Ускоренное повышение готовности	26
9. Правители-транжиры и экономные маршалы	29
10. Печатная машинка и атомные станки без колес	31
11. Стиллет и семейка буйволов	33
12. Истребители, танки и рациональный ум	35
13. Детерминизм воздушных трасс	37
14. Родины близкие и не очень	38
15. Самолетный ресурс и оранжевые подарки	40
16. Использование селекции в военных целях	42
17. Клок краски в небесной лазури	45
18. Самая боевая из эскадрилий	46
19. Амэрыця	47
20. Встречи, расставания и обмен реактивными любезностями	50
21. Как один капитан двух генералов прокормил	52
22. Осколочно-фугасная география	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Федор Березин Война 2011. Против НАТО. (Украинский фронт-2)

Танцор и песнотворец без мозгов,
Да и без голоса,
Покуда свежий взгляд,
Кидает удочку.
Крючок, болтаясь червяком,
Прицельно острие наводит в глаз,
Хотя бы в ухо.
Жаль, не может он
Использовать пока мой нос,
А так же кожу. Но,
И того, что есть,
Достаточно.

1. Мезоны, сталкеры и долларовый поток

Виртуозный практицизм заокеанских янки всегда вызывал у европейцев легкое зудение в районе височных впадин. Например, было доподлинно известно, и по этому делу сами грубоватые янки шутили с достаточной тонкостью, что на американской птичьей фабрике используется все, кроме ужасного запаха. Однако нынешние «новые украинцы» оранжевых и прочих оттенков умудрились обскакать даже своих хитромудрых учителей. В деле набивания собственных чиновничьих карманов они научились пользоваться не только мерзкие запахи, но даже еще более тонкие, не воспринимаемые организмом непосредственно субстанции. Например, радиоактивное излучение. Нет, вот как раз не нужно оскорблять кабинетную братию улицы Банковой какими-нибудь приписываниями прозрений Фредерика и Ирен Жолио-Кюри. Подумаешь, открыли аннигиляцию, позитронную и вообще искусственную радиоактивность? Было б за что давать Нобелевку? Ты попробуй из этой радиоактивности извлечь деньжата, обгоняющие в массе ту нобелевскую подачку, что хиггсовский бозон обыкновенную π -мезонистую мелочь, причем без всяких синхрофазотронов и черенковских счетчиков. Тут требуется не просто какая-то тесловская гениальность – видишь ли, родил свет из двух проволок запаянных в колбу – тут нужна уже магическая продвинутость. Нам, простым кроманьонцам, отпочковавшимся от дедули питекантропа гораздо позже новоариев-украинцев, не осилить сей задел постмодернистского разума. Потому и внимаем молча, открывши рот перед TV-ящиком.

Все гениальное делается просто, но по разделениям. Вначале «делай «раз»! Берется интересная штука – феномен Чернобыля. Тот, что по слухам, прикончил весь фин-резерв, назначенный чудо-социал-экспериментатором Мишкой на модернизацию СССР. Он, бедняжка, ночи не спал, все мучился, как с тем Чернобылем обойтись, а оказалось – одно сплошное счастье. Для заначки можно походить по миру с перевернутой шапкой: пусть скинутся на лечение пострадавших детишек. Но с Кубой, которая за так все годы в санатории с пальмами их возила, поссоримся – все ж тоталитаристы – у них за наркотики саживают, а по кругу любезной Гуантанамо хаживает патруль с карабинами (бедные-бедные янки, айда всей базой к нам в Крым, тут вам любезнее будет!).

Потом «делай «два»! С непростого протеза – России – восстановленные и запущенные блоки требуется заглушить. Во-первых, хватит гадить изотопами родную речку Припять, в коей сам президент со всеми премьерами рад бы купаться по вечерам, снизойдя с Говерлы, да времечка нету, все по «мальтам» с «мальдивами». А во-вторых, у нас электричества и так завались! Народ просто-таки стонет: «Да заберите вы свое электричество по эдакой-то цене! Спасу от него нету!». И к тому ж, какой-то экс-посол, чего-то там в Европе, обещался потом, когда-нибудь, оплатить все неустойки с закупкой новых блоков. Потому как, в нашей материке – Европе – нечего эти «чернобыли» более разводить, у нас тут, у самих, строят и строят, просто «Гринписа» на них нет. Понятно, не все знают, что «Гринпис» тот ручной – «гав-гав» токмо на кого следует. На нас уже ни-ни! Тут уж саркофаги, флажки, игра «Сталкер» – пугалка – дядька Стругацкий сам лично разрешил надругаться над «Пикником с обочиной».

Переходим к фазе – «делай «три»! Забываем, забываем! Трем мыльцем по нейронам, глушим их собак. Тот же шампунь «TV» хорош, стервец. Трем, трем лбом о стеклышко. Но не тараним – ни-ни! Теперь расслабились, тепло по ручко-ножкам побежало, построилось по позвонкам, по зубным и почковым камешкам. Вот. Дремлем, дремлем, TV-громкость посильней. Ныне фаза «делай «четыре»! Секретная. Та самая, с извлечением деньжищ из сталкерной радиоактивности. Все знают, ведают, в зоне Чернобыля только чудища двухголовые местами завывают, да яблоки, с тонну, с яблонь корявых по ночам обрушиваются – дают мутантов. Короче, толку никак. Туристов бы заманить, но как же тогда и дальше ходить с протянутой

шапкой? Фаза «делай «раз» ведь до конца не погашена. Так что... Вот именно, только гениальность. Учитесь, господин Форд! Тоже мне, автомобиль доступный для всех выдумал. Удивил.

Короче территория и так загажена. Значит... Дезактивация? Ха! И еще раз «ха», для верности. «Где деньги, Зин?» Но зато, загаженное ведь загадить более нельзя? В смысле, можно конечно, но мы ведь не гадить собираемся. Мы собираемся просто устроить могильник для радиоактивных отходов. Кашу, ведь, маслом не испортишь, верно? Раньше возили в Россию, платили за захоронение кучу валюты... Что возили, если... Так ведь то, местная – Чернобыльская АЭС остановлена. Остальные ведь – подлое наследство тоталитарной диктатуры – всякие Запорожские с Южноукраинскими – они ведь еще пыхтят, выдают «на гора» этот самый, Кюри помянутыми открытый, радиоактивный прибыток. Кстати, почему ребятам под оранжевым солнцем не дать Нобелевскую премию Мира, как Кюри (тем ведь, последним в роду физикам, тоже не за химию)? Они ж добились, заглушили подлую атомную наковальню! Почему только другу народов Горбачеву за то, что взорвал? Короче, шведам коронованным, вместе с норвежскими братьями, есть о чем подумать...

Продолжаем разговор. Ныне, если могильник на месте, всего девяносто км от столицы всея ариев Киева, то денежки не в Кремль оголтелый, а своей казне польза несметная – миллионы, миллионы, **МИЛЛИ**... Да, к сожалению, отходы просто так не свалишь, да в обычном кузове не перевезешь, надо бы... Что?! Высокие технологии?! Опять тоталитарное ярмо?! И что с того, что немецко-российский контейнер лучший в мире? Если б без второй приставки еще туда-сюда. Да и то... Как можно обидеть любезных заокеанских спасителей? Фирма «Холтек», безоговорочно.

* * *

К тому же, тот танцор
Одновременно:
Блеска, первый эшелон,
Притом случайный.
Еще, он отвлекающий фантом,
Завеса дыма, клещащая взгляд,
И зеркало.
Блестящее,
Но тусклое,
И тряпки не найти —
Нет под рукой – не предусмотрешь всё.

2. Весовые категории

К сожалению, времена беспрепятственной подвижки между воинскими сообществами канули в лету. В отличие от недавнего прошлого, когда полковнику-ракетчику Бубякину для попадания на территорию танковой бригады хватало «уазика» и дырки в заборе, теперь, для спокойного перемещения к братьям по оружию уже понадобился танк. Инфляционные процессы явно имеют тенденцию к экспансии даже в не слишком смежные области. Разумеется, суэта, начавшаяся в Василькове после пиротехнического апокалипсиса инициированного растворившимся в неясности турецким спецназом, несколько снизила порог инфляции дующей «Уаз» в Т-84, ибо опосля такой катастрофы наличие боевой гусеничной машины на улице никого особо не удивляло. Подумаешь, танк! Тут уже и МЧС понаехало, а от пожарных машин просто не протолкнуться. Кстати, о пожарниках. Подозревая, что под видом оных на позиции дивизионов могут пробраться черти кто, включая антитеррористические отряды МВД, командир группы запретил пропускать оных вообще. Благо та же привлеченная к делу танковая бригада добавила распоряжению вес. Единственное что пропустили на позицию, да и то после осмотра, были машины скорой помощи. Работы для них, к сожалению, хватало.

Сейчас в танке, сопровождаемым для довеска еще и вторым, в соседний истребительную часть ехал сам полковник Мордвинцев. Конечно, по «близкородственным» отношениям, после собезьяненного у янки слияния зенитных войск с авиацией, куда лучше в экскурсию подошел бы сам Бубякин, однако, танкисты выполняли при группе чисто вспомогательную функцию наземного прикрытия, ЗРВ же вели настоящую войну, потому Михаил Юрьевич требовался на рабочем месте в любой момент, а вот Мордвинцеву было проще. Идею послать к летчикам кого-то званием поменьше даже не обсуждалась. На беду, Николай Владимирович был знаком с командиром Сороковой бригады тактической авиации весьма шапочно, но куда было деваться?

Как оказалось, вся эта продумка со званиями и прочим не самое важное для дела. Вначале следовало просто-напросто прорваться к командиру части. Да, «Уазик» тут бы не сладил явным образом. Не исключено, полковник являлся необходимым привеском к двигателю с трансмиссией. В самом деле, Т-84 катил все же не по вражеской территории; это там с любым препятствием справляется молодой, с только что выстрелившими в мир усиками, летеха. На своей земле требуется все-таки больший калибр.

– И чего теперь, пан полковник? – спрашивает младший сержант, помещенный впереди, у рычагов.

– Тормозни, Павел, – Мордвинцев и так явно нервничает, а теперь почти взбешен.

– Может, не стоит вам? – говорит истинный командир танка – лейтенант Белый, ныне пристроившийся на месте наводчика.

– А что, думаешь, будут стрелять без предупреждения? – встречно спрашивает Мордвинцев. Сам он, вообще-то, не уверен в ответе, но люк откидывает смело, как и положено полковнику: после произошедших на позиции ракетчиков событий не стоит ездить, подставляясь снайперам. Вообще-то, как ни странно, об удачном рейде турецкого спецназа никто покуда не ведаёт. Селекция раненых и убитых на зацепленных пулями или попавших под поражающие факторы взрыва не проводилась. Версия причины самого взрыва, по уже утвердившемуся убеждению специалистов-ракетчиков, коему без проблем доверяют танкисты, склоняется к попаданию в склад ускорителей технического дивизиона то ли беспилотного летательного аппарата, то ли какой-нибудь авиаракеты с GPS-наведением.

Мордвинцев уже выныривает в свежесть атмосферы, быстро моргает от перепада яркости, потом в упор смотрит на топчущегося поблизости милиционера, или спецназовца, в бронежилете.

– Хочу ехать далее! – перекрикивает он наличные лошадиные силы, поставленные на холостой ход.

– Нет! – машет головой милиционер. – Проезд ограничен!

Голос без истерики, но стоит служивый все же, чуть в сторонке, не на самом вероятном векторе движения танка. Автомат у него маленький, супротив 125-мм дула смешной. По странной ассоциативной взаимосвязи нейронных ветвлений, Николай Мордвинцев почему-то припоминает давно забытого двухсантиметрового керамического ёжика умеющего курить специальные игрушечные сигары и пускать дым порциями. Детское воспоминание абсолютно лишнее, не относится к делу, и тут же стирается. След его только в улыбочке танкового полковника.

– Ну, я поеду, да? – говорит он голосом подразумевающим подкол.

Улыбку какого-то танкового вояки милиционер однозначно трактует как издевательство, однако силовые параметры явно не в его пользу.

– Правильно, разворачивайтесь, – кивает он, делая вид, что понял вопрос по-своему.

– Машинку убирать будете? – интересуется Мордвинцев сверху, просто-таки как настоящий либерал, всегда думающий о предметах в их эквивалентной валютной цене.

– Шутить вздумали, гражданин? – теперь милиционер нервничает, хочет задействовать и автомат и рацию одновременно.

Мордвинцев так же с улыбочкой исчезает в командирском люке. Танк дергает с места тут же, словно дальнейшее было предусмотрено и команды не потребовало. Аккуратный наезд на милицееское «Жигули» не получается: скорость не оптимальна, потому машину просто отжимает в сторону.

– Отрефтуется, не плачь! – подмигивает сверху высунувшийся из следующего танка старший лейтенант Первушин.

Ментяра в бешенстве тискает висящий на шее АКМС. Но он же не полный идиот: что стоит его пукалка супротив сорока, а то и более тонн железа? К нему со всех ног бежит подмога. Танки конечно в зоне действия автоматов, но стрелять никто не пробует. Странная, малоизученная отрасль психических процессов: вблизи снаряженного полным боекомплектom Т-84 люди почему-то глупеют. Добежав до не справившегося с задачей патрульного, его для чего-то спрашивают:

– Что случилось, Дима?

Дима конечно огрызается:

– Что, что? Сами не видите, что ли?

Теперь все с интересом пялятся на удаляющиеся боевые машины. В это время передовой танк Мордвинцева вертит дуло назад. Все бледнеют, ведут подсчет веселым денькам, проведенным в операции сложения дивидендов от контроля скорости на украинских дорогах. Однако это зря, танк полковника просто-напросто готовится валить корпусом въездные ворота истребительной бригады ВВС: «Жигули» были лишь тренировкой.

* * *

Но главное – он все-таки пельтаст.
Он тот передовой, легковооруженный,
Что проскочил
Под копьями
Фаланги
Моей души.
Стрелу вонзил, а может, то копье?

Крючок, гарпун, иль нечто в этом роде?
Бурящее ушную глубину,
До мозга.

3. Голуби почтовые и не очень

Более-менее наблюдательные понимают, что даже набившее оскомину «оранжевое» помешательство зародилось не на пустом месте. Когда кто-то сходит с ума, а уж тем более, нация, признаки ощутимы достаточно загодя. В шестидесятую годовщину подрыва Нагасаки, акkurat 9 августа 2005-го, удаленный от нее на пол мира украинский город Коростень надумал подать в суд на город Киев по случаю поджога. Оказывается за тыщу лет до того, легендарная княгиня Ольга тоже имела свою боевую авиацию и успешно занималась стратегическими бомбардировками. Конкретно, ее натасканные на поджогах голуби-почтмейстеры умудрились дотащить до многострадального Коростеня что-то напалмообразное, возможно, тлеющую паклю. Город сгорел. «Ныне любой археолог запросто берется доказать дело о поджоге», – заявили с экрана мудрые, тогда еще русскоговорящие комментаторы.

Теперь уж, раз археологи могут служить прокурорами, а те в свою очередь археологами, то на первый взгляд случай в городе Белая Церковь кажется делом плевым. Тут не имеется никакого тысячелетнего зазора, который в некотором роде мешает опросу свидетелей и всяческим очным ставкам, а так же проверке данных свидетелей на предмет алкоголе– и наркозависимостей, которые в определенных случаях могут вносить сомнения в хмурых судей, по поводу видений в небесах неких летательных аппаратов, явно сверхзвукового вида. Однако ведь ныне и без свидетелей можно вполне обойтись. Если уж гуманитарная наука история, читая двухсотлетнюю копию тысячелетней летописи, способна воссоздать траектории движения к цели и места дозаправок голубей, то уж практическому искусству криминалистики, опознать причину развала на составляющие двух пятиэтажных строений, семидесятого года выпуска, дело вроде совсем плевое. Понятно, что как назло, все сто процентов угодивших на землю боеприпасов подорвались, однако ведь...

Тем не менее, странное дело. В свободных, куда более голубей, СМИ, уже замелькали свидетельства очевидцев о некоем непредусмотренном дисбалансе в системе подачи газа. То есть, «хрущёвки» осыпались бетонными секциями всего лишь по случаю взрывного возгорания бытового топлива. Аналог еще не забытой днепропетровской трагедии. Так же не исключаются террористический акт, и даже мафиозные разборки. А после того, как где-то в прессе (вовсе не местной, коя, предположительно, ручная и потому надежно взята под контроль) высветился намек на странные военные учения ВВС акkurat поутру нужного числа, тут же откуда-то просочилась версия о чужих самолетах, явившихся, с полной и безоговорочной однозначностью, с востока, и к тому же, имевших на крыльях надежно различимые русскоязычные цифры. Вот на счет типа имеются некие противоречивости, но более всего на подозрении Т-22М, с переменной конфигурацией крыла. Благо, данный летающий вид техноэволюции в самой Украине успешно и заблаговременно распилен, изрублен топориками и сплюснен молоточками в толерантную утиль, а то бы на цугундер неминуемо угодила родная армейская авиация. Голуби-почтмейстеры столицы тоже к делу непричастны. Так что, понятное дело, на слуху только...

Ох уж эти москалики, соколы ясные, быстроскрылые. Эх, не туда княжна Ольга посылала свои летные полчища, не в ту сторону. Послать бы их на...

Mosscou! Mosscou! Забросаем бомбами! Будет вам Олимпиада, а-ха, ха-ха, ха!

* * *

Ну, за ним идут,

Сминая строй, другие,
Звон мечей?
Не слышен,
Я в плену.
И даже не галлюцинаций,
Нет!
Ведь те, должны рождаться изнутри,
А здесь, все действие идет извне.

4. След врага

– Вот снимки, Олег Дмитриевич, – говорит капитан Папёнов, передавая полковнику ВВС стопочку фотографий.

– С пылу-жару? – косится полковник Добровольский. – Секретные поди?

– Да уж так, – почти с прискорбием кивает начальник «Ка-один». – Теперь уж, как вы понимаете, все едино.

– Под суд ведь пойдете, воители, – весьма утвердительно констатирует авиатор.

– Мало-возможный вариант, – скалится капитан-антенщик. – Вы снимочки-то зацените, Олег Дмитриевич. Это боевые экраны, заснятые в кабине «Ка-два» в момент налета. Разрешите, поясню все-таки. Вот цель, в смысле, метка цели, вошла в зону пуска, видите? А вот тут – она уже в зоне поражения. Вот здесь удачно щелкнули, как раз засветка в момент подрыва. Правда, класс? А это уже СРЦ.

– Тут я понимаю, капитан, – ворчит Добровольский. Он хмуро смотрит на фотографии. Берет две штуки в руки, вглядывается внимательней. – Минутку, капитан! – Откладывает снимки, тянется к телефону на столе. – Эй, Прилуцкий, дай мне Бояндина. Вообще, пришли-ка его сюда. Причем, вместе с фото-контролем. Ну, ты знаешь, о чем я. Знаю, что секретные. Ну и вооружи его, если положено. Можешь, сам сопроводить, коль не лень. Все, жду!

– Сейчас нам кое-что принесут, – неопределенно поясняет он окружающим – Папёнову, Мордвинцеву и старшему лейтенанту Первушину.

Первушин в разговоре спецов не участвует, впрочем, как и Мордвинцев. Но Мордвинцев по случаю непродвинутости в узко-специальных вопросах атмосферной войны, а танкист старлей еще и потому, что у него другие обязанности. Постоянно держа руку на кобуре, он их даже подчеркивает, ибо его задание попросту охранять «великое собрание» от вторжения посторонних.

– Сколько ж вы завалили? – интересуется Добровольский, махая по карманам – он ищет сигареты.

– Тройку средних... в смысле обычных истребителей-бомбардировщиков примерно вот тут, – Папёнов поворачивается и шуруется на висящую за спиной командира истребительной бригады карту. Показать рукой не получается, не дотянуться. Папёнов бегаёт глазами по помещению в поисках указки. Он явно слишком спонтанно попал на этот доклад.

– Понятно, – отмахивается Добровольский, но все же подает ему большую древнюю линейку. – И еще?

– Вот отсюда перло что-то солидное. Боюсь ошибиться, но наши, судя по ЭОП¹, склоняются к мысли, что там были, как минимум «Эф – сто одиннадцатые», а то и...

– Думаете, «Лансер» – «Б – один»? – угадывает Добровольский.

– Не исключено, пан полковник.

– Да ну, это вы с Бубякиным уж совсем, – отмахивается Добровольский. – У турок нет такого добра.

– Может, это и не турки вовсе, – пожимает плечами капитан.

– А кто? Старший Брат? Россияне? – В смысле, какой-нибудь «Ту – двадцать второй»?

– Да нет, Олег Дмитриевич. Какие россияне? Они ж с юга перли, так? Что ж, по-вашему...

– А что, у «двадцать вторых» не хватит ресурса сделать маневр?

– Но не такой же, пан полковник, так ведь?

---

¹ Эффективная Отражающая Поверхность в радиодиапазоне

– Почему же, капитан? Допустим так и так, – он отбирает линейку и водит по большой оперативной карте театра военных действий. – Допустим, где-нибудь подальше нашего Змеино-го они разворачиваются и...

– Зачем им такая сложность, Олег Дмитриевич? – в глазах Папёнова искорки.

– Ну... Ладно, капитан! Да понимаю я вашу мысль. Но конечно, если это, и правда, «Лансеры»... Хотя могут быть и «Сто одиннадцатые», да... Впрочем, нам бы заполучить их проводку от границы, тогда стало бы ясно, откуда вошли. И ведь не могу добыть такую простую вещь, не шлют из штаба, представляете?

– О чем и речь, пан полковник, – соглашается Папёнов. – Закурить разрешите?

– Конечно, капитан.

– Между прочим, Олег Дмитриевич, – говорит, затягиваясь «Прилуками», Папёнов, – могут быть не только снимки. Мы ж, вроде, свалили, одного. Так что где-то возле Белой Церкви что-то должно валяться на земле-мame.

В двери кабинета стучат. Старлей Первушин напрягается, со смешной в других обстоятельствах торопливостью выдергивает из кобура ПМ.

– Разрешите, пан полковник? – в проем заглядывает старший лейтенант ВВС. Он тоже при кобуре. В этом мире уже началась паранойя.

– Давай, Бояндин! – подзывает его Добровольский широким жестом радушного хозяина. Жест не стыкуется с обстоятельствами – он бы оказался впору при застолье, но такого счастья, кажется, не предвидится. – Принес что ли?

– Так точно, пан полковник.

Вэ-вэ-эс-ник Бояндин ставит на стол истертый Независимостью, и похоже даже Перестройкой портфель. Извлекает наружу книгу с вклеенными снимками. Да, выходит, секретчики у авиаторов не спят и не воыняют. Налет был только наемдни, а здесь уже все подшито, пронумеровано.

– Щас, – говорит Добровольский, хапая книгу и листая с таким усердием, будто должен обнаружить там карту острова сокровищ.

– Ага, вот! – восклицает он почти сразу, ибо явно знает, что ищет. – Помнишь, Бояндин, мы с тобой изучали?

– Так точно, – подтверждает старший лейтенант.

Окружающие ракетчики и танкисты безропотно ожидают объяснений: была охота гадать.

– Смотри, капитан, – обращается Добровольский к Папёнову и сует открытую, удерживаемую толстым указательным пальцем страницу. – Время видишь?

Папёнов молча, и даже несколько панически изучает снимок.

– Это в момент вашей работы, правильно? – смотрит на него Добровольский. – Итак, вы завалили одного... пусть уж для допуска, будет «Эф – сто одиннадцать»... Другой, вот, развернулся и ушел. Правильно? Но вот смотри, что тут, на азимуте... – Добровольский наклоняется для уточнения.

– Это? – тычет Папёнов. – А оно...

– Ну да, двигалось, конечно. Еще как! Смотри дальше распечатку. Видишь?

– Нам бы... В смысле, я все ж «Ка-одинщик», не разведчик. Если б глянул наш...

– Потом глянет. Эта штукавина... ну, номер видишь... она шла на сверхмалых. Наша «Пэ-восемнадцать»² ее не всегда видела. Секёшь? Вы ж сюда обстрел не вели, так?

– Нет, не вели. Беспилотник какой-нибудь?

– Какой, к едрёной фене, беспилотник, пан капитан? Скорость вычисляешь?

– Понял, полков... Олег Дмитриевич. А куда он прошел?

– Да, никуда не прошел. Вы его точно не подсвечивали? В «луч» не брали?

---

² Наземная станция радиолокационной разведки

– Нет, все цели, что видели – обстреляли.

– Короче, думаю, это была еще одна. Причем, не исключено, главная.

Добровольский опять закуривает. Некурящий Мордвинцев недовольно косится на него, но здесь не его танковая вотчина.

– Возможно, это как раз то, что должно было вас прикончить, – спокойно поясняет Добровольский. – Обычная же тактика... Еще в Ливия, кажется... Эти три – «шестнадцатые»³ или «пятнадцатые» – были отвлекающей группой. Одиночка наверняка со «ШРАЙК-ом»⁴. Должен был подкрасться и садануть. Спасла вас ваша дальнобойность – это раз. А потом, наверное, это я чисто умозрительно предполагаю, этот гад трусанул. Обычное дело в авиации, кстати. Думаю, когда вы отвлекающую тройку сбили, он переписал, сбросил к черту боезапас и трухнул назад на своих сверхмалых.

– Ух ты, – говорит Папёнов. – Ну а те, два тяжелых?

– Эти должны были вас добить, как я понимаю.

Добровольский откидывает на стуле. Все окружающие изучают его фас с уважением. Но вот Папёнов неумолим:

– Нет, полковник, так все же не получается, – трясет головой капитан ПВО. – Этот все сбросил, тройка не добралась, пара тяжелых опять же. Но кто-то ж разнес наш технический дивизион, так?

– Хрен знает, – гасит бычок авиатор. – Может все ж эти три «пятнашки» успели что-то отцепить? Какую-нибудь АЛКМ, туды ее в качель. Или все ж тот кабель неопознанный. Какая-нибудь джи-пи-эс-наводящаяся дрянь пошла к цели, и все дела.

– Да уж, не «ШРАЙК», – вставляет слово старлей Бояндин. – Тот бы в локатор влупил.

– Если РПЦ⁵ выключился, то мог промазать, – подсказывает Папёнов. Сам он в некоем сомнении.

– Странно как-то промазал, – вклинивается Мордвинцев. – Прямым в склад боевых частей.

– Ну... – пэ-вэ-о-шный капитан снова тянет из пачки сигарету. – Оно, конечно, больше километра расстояние, и...

– Однозначно спутниковое наведение! Что же еще? – сообщает Добровольский. – Я б даже допустил некий «Томагавк» со стороны моря. У него размаха хватит пройти даже вдоль Днепра; просифонить над водой в десяти метрах и «оп!». Что «пендосам» впервые заводить носители в Черноморье? Уж имелись прецеденты. Однако зачем тогда эти самолетные изыски? Для маскировки первого процесса?

– Темное дело, – пожимает плечами Папёнов.

– И точку на нем ставить рано, – констатирует командир Сороковой бригады тактической авиации украинских ВВС. – Но как я понимаю, господа, вы прикатили сюда на танках не для того только чтобы обсудить прошлое?

– Да, Олег Дмитриевич, – очень серьезно кивает полковник танковых войск. – Будущее важнее.

* * *

Я просто цель и средство.
Для чего?

---

³ F-16, F-15 – истребители-бомбардировщики США

⁴ Ракета для уничтожения локаторов

⁵ Радиолокатор подсвета цели.

Не в том щас дело – действие вершится.
Красотка, губы сквозь экран просунув,
Прикрытым выменем раздвинула зрачки,
Подобно катапульте, вбившей в нутро
Ворота города.
По щепкам, через ров,
Пехота в латах, стражу опрокинув,
Причем бесшумно, не подняв тревоги,
Топча убитых, с тылу заходя,
Нацеливает тусклое железо
В защитников бойниц.

5. Майна! Вира!

Кто бы докумекал во времена конквистадоров, будто колонии можно использовать и таким образом тоже? В самом деде, даже когда некто чуть погодя предположил, что со временем, с ростом урбанизации, Лондон покроется слоем навоза ледниковой толщины, даже тогда не предсказали, что эти транспортно-отходные заморочки надо вывезти в какую-нибудь Новую Зеландию. Никакого воображения, понимаешь? Хотя чего тут эдакого гениального? Любая биологическая штукавина – «выдох-вдох». Тут скушали, там выбросили – не в себе же хранить? Биоценоз Золотого Миллиарда – та еще био-машина, помещенная на большом теле маленького прыща, несущегося по эллипсу вокруг пылающего газового светильника мощностью в триста восемьдесят восемь септиллионов ватт. Лучшим вариантом, конечно же, стало бы сбрасывание этого самого навоза именно туда, на светильник полуторамиллионкилометрового поперечника. Пусть перемелется, добавит окраса в спектральную составляющую. Помещенные в галактических далях сверхцивилизации выпучат глаза, разглядывая маркеры в спектре, даже зауважают за разнообразие мусора. Однако настоящий навоз уж тем паче, но даже радионуклиды и то нерентабельно. Пока эту трехступенчатую вавилонскую башню разгонишь до второй космической, пока... Так еще, не дай Яхве, сотворит пакость как «Челленджер». Не хватало распылить над любезной, давно и досконально очищенной от семинолов, Флоридой тонн, эдак, тридцать ОЯТ – отработанно ядерного топлива, в смысле. Так что делаем вдох-выдох в ближайшее окружение. Конечно, тут свои тонкости.

Допустим, те же ОЯТ-ы просто так, куда ни попади, не вывезешь. Нужна, понимаешь, первичная инфраструктура. Но не самим же ее создавать, в самом деле? Разные Сомали годятся для многого, но не здесь. Удобно, когда туземцы не просто меж пальм с автоматами голопузят, а поколение-два ранее значились чутко поумней, то есть, всякие ЖД-дороги, портовые пакгаузы и промышленную базу хоть какую сами предварительно соорудили. Ибо вот только теперь можно, наконец, засаживать туда тяжеленные контейнеры «Холтек». Будет там местный бетон и даже сварочный аппарат, да и некоторое количество обученных стропальщиками аборигенов.

У «Холтека», конечно с контейнерами еще та песня. Попытка выковырять бонус относительно честными методами провалилась с треском. Наивняк из Атомно-Энергетического агентства требуется гнать метлой. Сами ж в курсе, что российско-германская технология хранения куда круче в плане безопасности и вообще. Спелись птенчики. Куда смотрит ЦРУ? Этих дружков давненько не стравливали. Пора бы. Пусть подерутся за чего-нибудь. К примеру, за Калининград. Но Атомное агентство надо, и правда, вычистить. Даже несведущему дебилу покажи мультиком метод транспортировки, то есть как в конкурентном – русско-прусском проекте кран берет с корабля контейнер, ставит на ЖД-платформу, а потом, по прибытию, уже другой, не портовый, а простой автокран подхватывает тот же контейнер и спокойно кладет на автотягач. Никакой мороки, понимаешь? А у «Холтека» еще та песня-баллада. При перекладывании с корабля на ЖД, сделай смену тары. Во время перестановки на прицеп, опять же волоксы спец-тару другого образца. Последнему дурню ясно, что утечка неизбежна; недаром поезд отогнан на совсем заброшенную ветку-апедникс, а все вокруг в спецзащите, даже одно-разовые стропальщики.

В случае Чернобыльского хранилища, в ста км реликвия, занесенная в каталоги Юнеско – Печерская Лавра. Может, для альтернативы, в Фивах, прямо в пирамиды сложить? А что? Там слой гранита с песчаником такой, что никакая альфа-частица не выпрыгнет, а гамма-квант заблудится во входных лабиринтах. Ладно, делов-то. Потом по другому министерству пошлем прокламацию: «Не рекомендуем туристам «Made in United States of America» прохладиться вблизи Печерской Лавры, а так же Софийского собора и вообще в городе Киеве. Ищите экс-

тремальные удовольствия в других, менее радиационно-проблемных местностях». Допустим... Вот город-герой Львов, например. Тоже по старине продвинут ой-ой. И старина та, между прочим, приемлемой, католической направленности. Да кстати, если уж совсем с дальним прицелом, то когда какие-то местные недоперевоспитанные экстремисты-коммунисты развопятся, у правительства будет повод перетащить столицу куда-нибудь в более подходящие, в смысле человеко-популяции, западные области. Тот же Львов, допустим. Почему «нет»? Он, в конце-концов, расположен куда более безопасно, в плане грядущего освободительного похода НАТО на Юго-Восточном ТВД. Однако об этом ни-ни. Покуда о «Холтеке».

Естественно, все для блага человека, независимо от цвета кожи и... Кстати, о цвете кожи! Есть научные данные, что деление на расы – чушь собачья. И хочется сказать, что это правильно. В самом деле, на этих аборигенов Хрещатика посмотришь, ну никак не отличить от расово полноценного американца, а на самом деле... Во-во. Короче, по сути, им от атомного хранилища под столицей хуже не будет. Им даже лучше... В эмоциональном плане, например. В натуре! Ведь раньше, в «до-холтековские» времена, отстегивали этим клятым москалям по шестьдесят семь миллионов зеленых бумаг «кожен рік»⁶. Сумасшедшие деньжища! За что, спрашивается! За какие-эдакие заслуги? Подумаешь, где-то в своей малозаселенной Сибири складировать шлак от атомных станций. На фик нам вообще эти атомные станции? Заберите и их тоже! Ладно, покуда рано. Несознательный, расово... ну, в смысле, либерально не сложившийся народ еще не готов жить воистину вольно, расселившись по лесам, полям и дубравам, на свежем ветру, вдыхая свободу полной грудью. Он, до сей поры, все еще привязан к скученности мегаполисов. Ничего, вот со временем, когда страшные наследия тоталитарного прошлого, в виде пятиэтажек и девятиэтажек с горячей водой и ванной, и многочисленность как таковая, наконец-то канут в историю... В смысле, мимо, ибо негоже вольному казацкому народу в шароварах грустить о какой-то майданной толкотне и сберкассовых очередях за пенсиями.

Так вот, покуда атомные чудища во всяких «запорожьях» и прочих местах дуют радио-активный пар по первичным и вторичным контурам, отработанную нечисть надобно куда-то девать. С одной стороны, вот для москаликов как раз и не жалко, однако платить... Сколько можно, в самом деле? Вот если бы они нам, тогда... Ладно, уж теперь-то есть альтернатива – милый сердцу «Холтек». Тихонечко даем ему миллиард долла... Что значит, много? Кто такой-сякой высказался? Найти, обезвре... Люди, понимаешь, трудились, изобретали контейнер, старались для нас как могли. Проект же совместный, общечеловеческий! Главное, москалям ни копейки более. Пусть свою Сибирь засевают чем хотят. А проект многоплановый. Вначале, значит, со всяких «запорожских» АЭС-ов складировать, затем, вторым этапом, начинается завозка контейнеров из-за океана. А что? Там разве не люди? Они не могут сюда чего-нибудь привезти? Опять же, увеличение товарооборота с Америкой. Он же совсем слабенький, на тоненьких ножульках. Тут мы его и... Славный порт Одесса: не зря ж за него борьба? И вот еще доброе дело. Охрана природы, заповедные места, ГРИНПИС и... Да не, не у нас. В штате Монтана развернут зону охраны ландшафтов и диких зверюг. Раньше планировали очередной могильник, а ныне вот, пожалуйста, для народа. Что значит, для какого народа? Для общечеловеческого народа! Каждый волен приехать, погостить, посмотреть, полюбоваться. Нет, вот на контейнеры не каждый. Тут зона охраняемая, десять тысяч милиционеров по разнарядке в цепочку. Возможно, пятнадцать. А что такого? Наоборот, занятость среди молодежи повысится. Силловые структуры – это почетно и возжелательно. А вы, говорите, платить. Как не стыдно, как не общечеловечно, не по гринписовски мудро даже.

И вообще, безопасность столицы требует некоторых жертв. Не, не в смысле жертв настоящему. Жертв, в плане того, что милиции не жалко. Пусть хоть тридцатью тысячами стоит по кругу и бережет как зеницу ока каждый контейнер. Какие выбросы? Так потому и

⁶ каждый год (укр)

надо много на круг, что без скафандров и свинцовых бронеплит, а просто с дозиметром карманным. Радиус-то оцепления увеличен, и скафандр не потребен, так вот. Вы что ж думаете, президенты у нас геометрические круги не учили? В советских тоталитарных школах алгебры-математики были ого-го! Все математические олимпиады мы... Да, о чем это? Ага, вы думаете, что от выбросов бережет? Глупость какая. Контейнер «Холтек» сам себя от выбросов бережет. Он же их сбрасывает во внешнюю украин... во внешний слой атмосферы. Что значит, какой внешний? Вы «Природознaвство»⁷ не читали «никилы»⁸? Вся атмосфера – она с внешней стороны Земли. Да, великий польский, между прочим, астроном Коперник доказал, и что крутится тоже. И вот, милиция никак от фона не защищает. Она сама... В смысле, защищена, потому как отбор по здоровью, уму и...

Да, зачем она вообще? А вы что забыли? Наша ридна Ненька когда-то будет в НАТО. А НАТО – оно мир во всем мире. В плане и смысле, несет. А когда оно несет его высоко... ну там, В-2, В-1... то всякие несознательные, шахидские люди... Они начинают террористически вооружаться. Ядерной «зброи»⁹ у них нет. Потому как Ирану и Южной Корее, обоим им немножко вставили килдык... Сделали миротворческую операцию. Вот нужной «зброи» и нет. А тут, понимаешь, в НАТО новый мирный член. А у него, оказывается, около столицы... Так что никак не жалко, хоть тридцать, хоть пятьдесят тысяч милиционеров в оцепление. Дабы никакая шахидская... В общем, чтобы никто к контейнерам «Холтек» никак ни-ни. Только специалисты в скафандрах. А что, будем платить. И за скафандры и за обслуживание, и командировочные, и билет на самолет в выходные, и мед страховку. Да, не милиции, не милиции. Чего ей платить? У них есть служба и долг. Не им, и не нашим вообще. Рассмешили тоже. А? Что? Какой расово отмененный заокеанский специалист будет... Свои? Извините! Свои уже когда-то в Чернобыле наработали, ой, наработали. Пора за дело браться нормальным специалистам. Только «Холтек» и его гении – без вариантов.

– Майна! Вира!

* * *

Не скрипнет дерево, никто не обернется.
Кулек без щелей тянут на лицо,
Какое-то лото, и приз, ненужный,
Зато блестящий сильно,
Может деньги?
Причем огромной кучей...
Интеллект?
Имеет отношение?
Как будто.

---

⁷ природоведение (укр.)

⁸ никогда (укр.)

⁹ оружия (укр.)

6. Неуставные примочки

Дежурящий на КПП солдат не нравится танкисту Первушину категорически. Точнее, солдат может быть и ничего, но выглядит... Под глазом ссадина, по виду довольно свежая, смотрит затравленно, одежда явно и давно жаждет стирки и глажки, в разговоре запинаясь, сапоги... Лучше не смотреть. Похоже у него еще что-то со щекой. Может, выбит зуб? Обращается, кстати, на «мове»¹⁰, с коей явно не дружит.

– Ты б уж лучше на русском, – чешет подбородок Первушин.

– А что, можно, пан старший лейтенант? – страшно удивленно и очень тихо произносит рядовой, и впервые поднимает взгляд на Первушина.

– То, что не запрещено, то – разрешено, – сообщает Первушин неизвестно где слышанную когда-то фразу. Губа у горе-солдатика и вправду припухшая.

– Весело у вас тут да, боец... Как фамилия-то, не расслышал я как-то.

– Рядовой Еремин, пан старший лейтенант.

– Ты откуда будешь, боец Еремин?

– Так это... Из... З Луганську.

– С Луганска? А... Но с русским у тебя тяжело, да?

В это время из-за ближнего деревянного сарая, крашенного последний раз примерно в год разоблачения культа личности, вываливает какой-то детина в форме. Басит он достаточно громко:

– Эй, Еря! Що там таке?! Ти альбом доколюровав?¹¹

Антон Первушин поворачивается на голос и смотрит прищурившись.

– Сюда подрулите, младший сержант.

– Що таке? – спрашивает тот довольно громко, но с приличной дистанции.

– Младший сержант! Ко мне! – рявкает Первушин.

Детина мнетя. Он в тридцати шагах и в голове происходят некоторые процессы.

– Мне повторить или подойти? – интересуется старший лейтенант.

Детина все же решает, что подойти к этому оборзевшему чужаку в черной робе все равно надо. Может он даже и офицер, но напялил на себя какую-то хрень. Заодно и выяснится, чего он тут делает на КПП. Двигается сержант вперевалочку. Вблизи оказывается, что у чужого и вправду офицерские погоны: звездочки блеклые, зеленые, на танковой спецовке сразу и не разглядишь.

– Младший сержант Коломієць прибув! – сообщает детина. Смотрит нагло, мол: «Чего ты приперся?».

– Старший лейтенант Первушин! – сообщает Первушин тоже переходя на мову, но тут же вырубивая обратно на русский. – Чого рахсрыстанний, сержант? Пуговички-то застегните на вороте.

– Що таке? – кривится младший сержант Коломиец. – Я – що – днювальний?¹²

– Поубавил бы ты тон, а младшой, – подмигивает ему Первушин.

– Да ні, пан лейтенант, я не зрозумів, що я молодий, чи...¹³ – он насмехается над этим пришлым оборзевшим офицериком каких-то чужих, вроде бы танковых – судя по петлицам – войск. Все еще стоящий рядом рядовой по КПП Еремин бледен как полотно. В самом деле,

---

¹⁰ язык (укр.)

¹¹ – Что там такое? Ты альбом докрасил? (укр.)

¹² – Что такое?... Я – что – дневальный? (укр.)

¹³ – Да нет, пан лейтенант, я не понял, что я молодой, или... (укр.)

старший лейтенант Первушин росточком не слишком вышел, как и положено танкисту, Коломиец же, где-то метр восемьдесят два, и достаточно упитан. Короче...

Антон Первушин переходит из статики в подвижность где-то со скоростью звуковой волны. Пространство схлопывается и отстоящий от него примерно метрах в трех Коломиец оказывается в сантиметре, но дистанция тут же исчезает совсем. Происходит еще что-то быстрое. От удивления у рядового Еремина приоткрывается рот.

Вообще-то раньше, в годы тоталитаризма и отсутствия демократии, когда спортивные секции были доступны всем юношам бесплатно, такое называлось «бросок через бедро». Ноги младшего сержанта взлетают куда-то выше головы, и вот уже сам он со всей дури грохается на... Благо не бетонную плиту, а вытопанную землицу. Падение на спину плашмя штука страшно неприятная: весь воздух из легких выталкивается с уханьем. Возможно, он маскирует перелом ребер. Однако это еще не весь цирк. Теперь откуда-то сверху – по ударному давлению, подозревается, что приблизительно с крыши того самого сарая – на грудную клетку Коломийца сваливается неожиданно страшно тяжелый, да еще и ужасно твердый, старший лейтенант Первушин.

Его прищуренные глаза фокусируются совсем в щелки. Младший сержант Коломиец закрывает собственные в ужасе, ибо ожидает... ударов так, двадцать-тридцать по лицу с близкой дистанции. Восстановление дыхания – дело бесполезное. Именно поэтому он не может вымолвить ни единого слова, дабы простить пощады хоть как, пусть даже на «клятій москальскої мові».

Но товарищ первый коммунист – Христос – милостив. Откуда-то доносится чей-то спокойный голос:

– Первушин, что там стряслось?

– Да вот, – мигом, как ни в чем не бывало, вскакивает Первушин, расправляя черную робу, – солдатик свалился, пан подполковник. Жарища ж, солнышко припекло и вот. Думаю, дышит – не дышит?

– И как? – подполковник Корташов тоже пересекает КПП и оказывается на территории объекта. Все еще приоткрывший рот рядовой Еремин опомнился и спешно отдает честь.

– Вольно, казак, – кивает ему Владимир Иванович.

В это время здоровяк Коломиец уже несколько отдышался, он поднимается. Видит знакомые, идентичные со своими, авиационные петлицы, и две крупные звезды на погоне.

– Что болит, казачек? – голос у Корташова отеческий донельзя. Коломиец счастлив до слез.

– Вони... ото, пане полковнику... – младший сержант интуитивно отодвигается подальше от Первушины. – Вони б'ють.¹⁴

– Кто ж вони? – интересуется Корташев, как добрая старенькая медсестра аттестирующая детскому доктору на амбулаторном приеме.

– Вони, – косится на Первушина Коломиец и несмело тычет пальцем. – Б'ють, дуже б'ють.¹⁵

– Б'ють? – переспрашивает Владимир Иванович. – Ну-кс, піди сюди.

Он манит большого Коломийца несколько в сторону. Младший сержант донельзя рад отодвинуться подальше от маленького тарантула Первушина.

– Б'ють нізащо, – сообщает он подполковнику. – Нічого не зробив, а б'ють.¹⁶

– Б'ють? – голосом добрейшей нянечки снова переспрашивает командир «первого» дивизиона, и вдруг несколько меняет ноту. – А чого ж ты расхрыстанан до пупа, а, воин?

---

¹⁴ – Они... это, пан полковник... Они бьют. (укр.) (в украинском "и" читается как "ы")

¹⁵ сильно (укр.)

¹⁶ – Бьют ни за что... Ничего не сделал, а бьют. (укр.)

Младший сержант ПВО теряется:

– Вони ж б'ють, – повторять он несмело.

– Чего расхрыстан до пупа?! – цедит Корташов совсем другим тоном. Тут на его лицо словно рывком накладывается какая-то новая, зверская маска. Он делает быстрый удар правой без замаха и вскидывания, зато ловит сержанта на вдохе. Тот скрючивается – внезапные втык в солнечное сплетение это серьезное дело. Так можно и вообще укокошить. Однако Корташов прожил жизнь, он опытен.

– Эй, казак! – подзывает он дневального по КПП. – Этот воин кто по должности?

– Так это... Він молодший сержант.

– Я не про звание, казак, – терпеливо поясняет подполковник. – Должность какая? И не парься ты на мове. Ни хрена ж не выходит, сам видишь. Должность его.

Сам подопытный о котором говорят, все еще сидит на земле в скрюченном положении.

– Колома – он оператор, – сообщает наконец несколько приторможенный Еремин.

– Оператор? Это хуже, – констатирует Корташов. – Слышь, Антон Иванович, оператор! – сообщает он Первушину. – А какой станции?

– Этой, как ее блин... «Пэ-восемнадцать», пан подполковник, – вспоминает Еремин.

– Понятненько, – кивает Владимир Иванович Корташов. – А сам... Сам, кто по должности?

– Оператор приемных систем «Пэ-четырнадцать», – докладывает рядовой. – Но я еще не... это...

– Мало служишь?

– Так¹⁷, пан подполковник.

– И на своей станции еще ничего не знаешь?

– Такі так, – признает рядовой Еремин, в свою очередь ожидая зуботычины.

– Твоею бого в качель, – сообщает командир ракетного дивизиона. – Всего год в этой армии служат, с весны уж сколько месяцев, а солдат своего рабочего места «ні бачив ні звідкіля»¹⁸. И ты б тоже заправился, рядовой, а то я добрый, добрый, но могу и ввалить под горячую руку. У нас то «губы»¹⁹ нет – демократия, так что в замену, для профилактики.

Покуда солдат Еремин спешно приводит себя хоть в сколько-то надлежащий вид, Корташов наклоняется над сержантов.

– Ну что, оператор, оклемался? Солнце, и вправду, собака, печет безбожно. Даже люди падают, надо же. У вас тут дедовщина в разгуле, да, сержант Колома?

– Коломиец он! – подсказывает Первушин. – Колома – это кличка, так понимаю.

– Вставай-ка, оператор всех систем! – распоряжается Корташов. – А то сейчас еще добавлю. И с какого кренделя «дедуют», как думаешь, Антон Иванович? Ведь год всего-то служить, да и то, минус отпуск. Где командир объекта, младший сержант?

– Так він же, капітан Жмара, він же... Так він же виїхав звідсі²⁰, – Коломиец всхлипывает, то ли о любезном начальнике, то ли о своей бедолажной доле.

– Кто за него?

– Та, нікого немає, пане подполковнику. Нікого з офіцерів зовсі. Тільки прапорщик Пацюк, тільки він.

– А ще офіціри? Невжеж²¹ одна людина?

---

¹⁷ Да (укр.)

¹⁸ не видел ниоткуда (укр.)

¹⁹ «губа» – гауптвахта

²⁰ Так он же выехал отсюда (укр.)

²¹ неужели (укр.)

– Старший лейтенант Пагодин у відпустці²², – поясняет Коломийцев; он все еще всхлипывает: сам-то он всегда не прочь, но вот самого его давненько не лупцевали.

– Понял. Веди уж к прапору, – соглашается Корташов.

* * *

И вот – рекламный блок —
Затягивают петлю,
Фитиль подводят к башне арсенальной,
Бежит огонь, какой-то порошок —
Стиральный, и такая же машина,
Наверно, для промывания мозгов,
А может быть – спрямления извилин?
Хотя не говорят, об этом вроде
И больше все смеются, губы тянут
К ушам,
да тараторят что-то —
Не пойму.
Похоже, этот порошок,
Иль суп, получше... Но чего?

---

²² в отпуске (укр.)

7. Сдача вторсырья с перевыполнением

Когда-то небо над этой местностью было на надежнейшем замке. По всей округе было понатыкано столько всяческого убийственного для чуждых самолетов, да еще и хитрющего, железа, что какая-нибудь раскинутая вдоль опасного моря Ливия могла только завидовать. Причем, в здешнем мелковатом внутреннем море, в отличие от перенасыщенного авианосными группировками Средиземного, таких хищников отродясь не водилось, а дабы они в те времена сюда сунулись, то пребыстро обратились бы в четко помеченные на лоцманских картах рифы искусственного происхождения. Причем, что интересно, данные рифы еще долго не оставили бы без усиленного внимания. Ихтиологи всяческих ведомств, в чине не ниже майора, ныряли бы в здешние воды ночи и дни напролет, лишь бы достать из покореженных трюмов какую-нибудь чудную электронную штуковину, для последующего копирования и размножения на многочисленных электромеханических заводах.

Но те времена выветрились и из истории и из голов, ныне все было по-новому. Две огромные, переполненные городами и промышленным наследством, области прикрывали всего три ракетные комплекса. Как водится в наше, открывшее рот перед американским гением, время, ЗРК принадлежали к военно-воздушным силам, то есть, расчеты носили синеватые, по-нынешнему «блакитні»²³ погоны. Однако на самом деле совсем вроде недавно эти комплексы относились даже не к упраздненным, как вид вооруженных сил, ПВО, а вообще к сухопутным войскам. Все ведь догадываются, что в навсегда канувшей в былины, в гости к Добрыне Никитичу, Советской армии любой танковый полк прикрывался от нападков воздушных стервятников: выводы из сорок первого пусть и с опозданием, но все ж-таки были извлечены. Однако когда на ниве преобразований и «боротьби»²⁴ с «минучим»²⁵ тоталитаризмом из войск ПВО повычищали всяческую древнюю «рухлядь» типа С-75, -125 и -200, внезапно выяснилось, что в примятой траве-мураве, на месте выдранных с корнем систем, почему-то не выросли никакие доблестные цацы «Пэтриотов» и даже чуть посмоктанные временем «Хоки». Приблизительно в таком же положении очутился когда-то Буратинко, ныне обзываемый по первоисточнику Пиноккио, когда наутро, прибыв с мешком собирать золотые, не встретил даже желудей. Но ведь старое, доблестное советское железо уже укатило в пункты приема «чермета», а особо везучее во всяческие не в шутку готовящиеся к расширению территорий «грузии». И тогда небо над Луганской и Донецкой областями полностью оголилось.

Впрочем, что там о небе. Кто под веселым оранжевым солнцем о нем вообще думает? Эдакая идиллия по полной очистке атмосферы от гипотетических ракетных пируэтов могла чего доброго инициировать волну подражательства. В самом деле, а чего, разве в каком-нибудь С-300П железо хуже режется сваркой на компактные, удобные для захвата вручную и забрасывания в кузов части? И разве абсолютно все генералы уже построили себе удобные трехэтажные хоромы? Тем не менее, это только собравшиеся на покой и достигшие пика карьеры генеральчики мыслят столь узко, и не эксплуатируют Золотую Рыбку далее. Настоящие карьеристы, с толстыми извилинами, светят озарением куда ширше. Если вообще всю ракетную механику слить в металлолом, то тогда и должности начальников всяческих ВВС могут упраздниться, или, по крайней мере, ужаться в цене. Не получится стать Владычицей Морскою и Атмосферною – на маршальский погон подчиненного воинства может и не достать. И потому...

Решение правильное. Поскольку никто более не планирует контрудары по Европе в отместку за прибытие из-за Ледовитого океана «Минитменов», то почему бы запасу вторсырья

²³ блакитни – голубые (укр.)

²⁴ боротьба – борьба (укр.) (в украинском языке "и" читается как "ы")

²⁵ миновавшим (укр.)

танковых полков не постоять в боксах без прикрытия с воздуха? Приданные же им гусеничные «Буки» переназначить в авиацию, и вместо марширующих дивизий заставить защищать раскинувшиеся вширь донбасские мегаполисы, то еще наследие колониального прошлого.

К сожалению даже «Буков» отыскалось в округе не слишком привольное количество – всего-то три штуkenции. Пришлось расставить их не столь плотно, по штучке на город. То есть, на Донецк, Мариуполь и еще на один областной центр – Луганск. Само собой, кое-кто грамотный вспомнил о всяческих сухопутных «Кругах» и «Кубах». Однако таких вундеркиндов быстренько подчистили из штатных списков. Нашлись умники-разумники. Не понимают, что генералы-сухопутчики тоже должны были на что-то построить трехэтажные «хатиночки»²⁶. «Цветмет», «чермет» – все работают не покладая рук. Жаль боевым полит-подругам – странам лимитрофорам Прибалтики ничего не перепадает. У Нэньки-Украины свой большой порт для перекачки подарков схороненной намедни Золотой Рыбки – СССР – Одесса-Мама.

* * *

Однако некогда, в середине королевства
Уж режут королевскую чету,
А с ними воеводу, так же – тихо.
Похоже, что-то в голове трещит,
Но после взрыва арсенальной башни
Уже вроде бы и нечему? Хотя...
Да, нет – отхлынуло. То, вроде бы, в экране
Стреляет кто-то с лазерным мечом,
Как будто отражения нутра.
Но можно ли понять
Прямую аналогию буквально?
Но было б чем, и есть ли время если...

---

²⁶ домики (укр.)

8. Ускоренное повышение готовности

Захватить этот радиотехнический пост предложил Добровольский. Вообще-то он советовал большее – по максимуму было бы неплохо взять власть над центральным бункером воздушного командования «Центр».

– Чего вы с них-то не начали? – поинтересовался он у полковника Мордвинцева. – Если б захватили, тогда бы мой аэродром сам собой попал в подчинение. Разве не так? До «Центра» всего-то пятнадцать км, если по прямой.

– Олег Дмитриевич, думаете, мы с Бубякиным не прикидывали? – мотнул головой Николай Владимирович. – Вытрясти из-под земли дежурную генеральскую задницу ни хрена бы без крови не получилось. Там же «свидомые» до жути (ну, Миша так сказал). Танками их ровнять, что ли, в самом-то деле? Представляете, что бы началось, если бы мы пустили такую кровию.

– Да уж, – кивнул авиатор.

– К тому ж, в ваше сочувствие Бубякин как-то верил. Видимо догадался, что аэродромные средства разведки пронаблюдают картинку. Да и вообще, кто ж знал, что эти сволочи смогут угодить боеголовкой прямиком в склад БЧ?

– Кстати, о разведке, – поднял палец полковник Добровольский. – У меня на южном направлении все ж не так густо, как хотелось бы. Особенно по малым высотам. Да и вообще! Чем больше станций, тем меньше вероятность, что задавят помехами. Давай, Николай Владимирович, хоть что-то захватим, а?

– Так это... Просвещайте. Я ж в ваших пэ-вэ-о-шных делах дуб дубарем.

– Вот, смотри по карте. Вот тут, на холмике, пятьдесят км юго-восточнее. Здесь у них целый комплекс эр-тэ-вэ-шных²⁷ штуквин. У них круговая обзорность. Понимаешь, танкист, поскольку бункерный КП останется у «свидомой» братии, то нам оттуда данные-то обрежут. А ой как хотелось бы.

Вот с той фразы и родилась идея о захвате объекта вблизи городишки Черняхов, который почти так и звался «Объект №4». Для придания солидности, к отряду «захватчиков» присоукупили два Т-84 и подполковника Корташова. Вообще-то Бубякин долго взвешивал, не хватит ли командира «второго» дивизиона Мальцева, у которого, кроме всего прочего, дивизион вышел из строя от опрокида с насыпи «Ка-один». Однако Корташов был явно солиднее по внешним характеристикам и более боевит. Мальцева же поставили временно исполняющим обязанности «офицера стреляющего» на «первый» ЗРДН, последний, пусть и недостаточно укомплектованный ракетами, но все же боеготовый. Так что у Корташова оказалось менее почетная, чем сбивание агрессоров ракетами, но не менее важная задача, обеспечить авиацию ЦУ²⁸ на предельной дальности.

Но пока требовалось укрепить власть «на местах».

После сержанта-оператора пришлось взяться за местного прапорщика. Тот как раз был занят, производил регламентные работы на личном транспортном средстве – древнем мотоцикле марки «Минск». Рядом пристроился кто-то из старослужащих, видимо спец по механике. Еще поблизости сутился «молодой». Он действовал тряпками и щетками, и как раз полоскал что-то в ведре бензина. Сам «Минск» обслуживался вовсе не в гараже, а посреди учебного класса; его явно втащила сюда волоком грубая, но податливая солдатская силушка.

– Так, так, – прокомментировал Корташов наблюдая картину. – В служебное время, значит?

²⁷ эр-тэ-вэ – РТВ – радиотехнические войска

²⁸ ЦУ – целеуказание

Прапор покосился в его сторону, разглядел целого подполковника собственного вида вооруженных сил и сразу восторженно вскрикнул.

– Здравия желаю, пан подполковник! – отсалютовал он вытянувшись. – Прапорщик Пацюк! Старший техник! Да вот просто налаживаю между делом.

Рядовой из молодых тоже замер возле своего ведра по стойке смирно. Возможно, он относился даже к привилегированной «молоди», ибо работа сейчас была у него достаточно бластная, «приближенная к телу». Старослужащий механик, по случаю материализации на «Объекте №4», абсолютно незнакомого старшего офицера, даже ухом не повел, просто скосил глазом, а потом вернулся к осмотру разобранного карбюратора. До всех этих прапоро-офицерских заморочек, типа происходящих, ему видимо было, как до естественного спутника Земли строевым шагом.

– Понятненько, пан прапорщик, – с задумчивым, совсем не подходящим для его широкого лица, выражением произнес Владимир Иванович. – Мы, значит, к вам с проверочкой, а вы в служебное время, значит, личные дела. Непорядочек, непорядочек.

– Никак нет, не служебное, пан подполковник! – нашелся Пацюк. – Я после дежурства, сейчас положен сон, а я вот...

– Вы на дежурстве выспались, да, пан Пацюк? Понятненько, непорядочек. А бензинчик почему-с? Бензинчик-то не из личных запасов, ать? Непорядочек.

Воин-механик с карбюратором заинтересовался спектаклем и уставился на Корташова снизу.

– Да, не, пан подполковник! То свой же бензин, мой личный запас.

– А противопожарная безопасность? Как с этим? – поинтересовался ракетчик. Где «противопожарный щит»²⁹?

– А, так я ж слежу, пан подполковник. Я все слежу. Я...

– Распиши личного состава о проведенном инструктаже перед опасной работой имеются? – Корташов уставился на прапорщика не моргая. Тот не в шутку занервничал.

– А...А...А вы, пан подполковник, вы по пожарной части будете у нас в части, да?

– И по пожарной... – в размышлении кивнул Корташов. – Я теперь тут по всем буду, прапорщик Пацюк. По войне и по миру, по всем. Вот, хочу все знать. Как соотносится с личным временем использование трудовых усилий вверенного Батькивщиной³⁰ личного состава? Вы, кто по должности, Пацюк? Эти люди – ваши непосредственные подчиненные?

– Не, они это... Ну...

– Ну?

– Э...

– Ну-ка, своих слуг отсюда «кыш», – негромко распорядился Корташов.

– Щас, щас все решим, все решим, пан полковник. Все... Ну-ка, Петя ты это... И ты тоже, как тебя...

Рядовые прошествовали к выходу из коморки с двух сторон от подполковника.

– Старший лейтенант Первушин! – гаркнул вдруг подполковник в пространство. – Научите рядовых воинской вежливости! Отдание чести, а так же выходить, заходить в помещения в присутствии старшего по званию.

Как только дверь за солдатами вернулась в исходное состояние, из-за нее послышалось: «Стоять! Смирно! Имя?! Фамилия?! Должность?! Ва-ша, товар-рищ р-рядовой?! Не слышу!», и тут же что-то загрохотало вниз по ступенькам, затирая следы шин.

– Значит, мотопед чиним? – спросил Корташов с каменным выражением.

---

²⁹ противопожарный щит (укр.)

³⁰ Родина (укр.)

– Мы... это... мы шаз замнем, товарищ подполковник, – на прапора внезапно напало заикание. – Я у...у...устраню все. М...мы решим, р...решим. Я г...г...готов.

– К чему ты готов, гавнюк? Взятки давать? – Корташов опасно придвинулся и Пацюк интуитивно отстранился. Ты знаешь, debil ручной, что война? Знаешь?! Война идет! наших убивают! Суки америкосовские бомбят с воздуха! А ты лайбу чинишь, сволочь? Я тебя сейчас сожгу здесь на хрен, вместе с твоим бензином. Я тебе шаз в жо... вставлю, контра недорезанная. Должность твоя, скотоложник?!

– А... я... это... я...

– Ты техник?

– Так... так точно, п...пан п...п...подполков...

– На какой кабине, прапор?!

– «Пэ-ч..чет...тырнадцать».

– «Пэ-четырнадцатая»³¹? Отлично, – Владимир Иванович чуть сбавил тональность. – Она у тебя хоть фурычит? Нет?

– Нет... В см...мыс...л...ле, да. Ф...фу-р...р...рычит.

– Дай бог, дай бог, – кивнул сам себе Корташов. – Короче, прапорщик. Давай-ка все покуда на хрен. И мопед, тем более. Давай-ка, дуй туда. Бери, кого требуется из лично-подвластного состава, и туда. Я шаз тут доразбираюсь и проверю. Подожди! К тебе солдатика приставляю. Ты не косись, что он танкист и младший сержант. Учти, я распоряжусь, дабы, если что он тебя тут же пришил? У него «Калашников» на взводе будет. Это, если на связь станешь выходить, когда не просят, или еще что. А я подойду с новой рацией, будем с тобой... Не, не тебя покуда – радуйся... антенну натягивать. Все! Дуй, давай!

Вот так на объекте РТВ³² полностью сменилась власть.

* * *

Скользит петля, фаланга не бежит —
Команды не было. Однако и фаланги —
Смыкание щитов и копья в грудь
Противника, давно уж нет.
Так, добивают кое-где,
С размаху, от плеча рубя мечами,
Разделявая мясо – ищут души,
Иль сердце – вряд ли мозг...
Да, греки, говорят,
Не знали точно, для чего он нужен,
Хотя, не греки тут, и времена не те.
Какие? В том ли речь?

---

³¹ Наземная станция радиолокационной разведки

³² РТВ – радио-технические войска.

9. Правители-транжиры и экономные маршалы

Турция страна не маленькая, к тому же она гористая. Горная местность, даже если над ней летишь, априорно предстает малопроезжимой и большой. Эдакий, инстинктивный геометрический навык, выданный приматам эволюцией в качестве бонуса. Топология ломаной поверхности без всякой тригонометрии ощутимо превосходит плоскость. Так что лежащая под крылом турецких F-4 украинская равнина никак не может поразить своей протяженностью. Некоторый психологический дискомфорт на пилотов накладывает разве что нестыковка красот раскинутой снизу местности и желания, подозреваемых в существовании, аборигенов ее защищать. Постоянно наблюдаемые архитектурные ансамбли неопровержимо доказывают, будто туземцы все-таки наличествуют. Благо, четко выявлено, где конкретно локализован враг, а то бы стресс неизвестности выпил все соки бдительности еще на подлете. Конечно, для «Фантома» пройти шестьсот километров от Крыма до киевских окрестностей это всего ничего. Само собой, не со сверхзвуковой скоростью. Истребители, явившиеся в двадцать первый век из века двадцатого, имеют дефектик, заключающийся с низкой, исключительно дозвуковой, крейсерской скорости. К тому же, объект атаки – не аэродром посадки, к нему не следует подбираться строго по прямой. Схема последовательности и очередности налета отработана. Бомбардировщики зайдут на цель с разных ракурсов и различных высот. Не хватало еще рассмешить благодушных муравьев внизу столкновением собственных истребителей-бомбардировщиков лоб в лоб. Кроме того, ныне, после оскорбления в лучших чувствах боссов заокеанской империи, решено более не полагаться на уверения украиномоновых вождей-шаманов в полной лояльности технических родов войск. Следует, пользуясь случаем, провести профилактические меры в неоговоренных ранее пространствах всей Киевской области.

Смею предположить, что по поводу данной боевой операции кто-то из турецких авиационных «маршалов» высказал примерно следующее: «Ладно уж, если наш главный союзник и спонсор так настаивает, то пусть будет по-вашему, господин президент-бей и главнокомандующий. Однако попрошу все же подать приказ на данное действие в письменном виде и за вашей подписью. Я, понимаете, не жажду отвечать за потерянные самолеты, у меня не столь велик оклад, дабы купить хоть один-единственный F-16. Да, я понимаю, господин президент-бей, что на карте стоит куда большая штука, чем «Файтинг Фалкон», однако и рисковать мы будем не одним истребителем-бомбардировщиком. Да, усекаю я, уважаемый бей, что наш союзник за удовлетворение своей мстительной души отвалит нам и десяток F-16, если настоим. К тому же исконно турецкий полуостров Крым стоит неизмеримо больше, чем два-три подготовленных летчика, но все же...»

Вот примерно в таком духе.

Однако сейчас план уже осуществлялся в натуре. Правда, турецкий «маршал» вз-вэ-эс-ник сэкономил. Вместо запланированной атаки с участием F-4, прикрытых F-16-ми, использовались исключительно «Фантомы». Для дилетантов, стоящих иерархической ступенькой выше, имелось объяснение, того плана, что, не смотря на свою моральную старость, F-4Е имеет больший боевой радиус, и даже чуть большую максимальную скорость. Для данного случая последнее обстоятельство не имело значения, ибо, как и почти всякий боевой самолет, F-4 добирался до цели на крейсерской, которая у любого истребителя менее звуковой. Исключение составляет только тот же F-16, однако строго последних моделей; таковых на вооружении Турции покуда не имелось. Может быть и правда, за четкое выполнение просьбы заокеанского патрона военно-воздушные силы надеялись обзавестись и такими самолетами тоже? Дополнительно к ста семидесяти пяти «Файтинг Фалконов» других типов? Тем не менее, турецкое авиационное командование видимо не очень верило в успех миссии. Если уж у американцев, использующих F-15 и, вроде бы, F-111 ничего не вышло, то что говорить о древних F-4?

Но ведь основным преимуществом турецкого налета перед закончившимся фиаско американским был количественный перевес. Одиночный «двухсотый», при любой натасканности расчета, уже чисто в силу конечных скоростей изделий 5В28, никак не успевал переколошматить все вторгающиеся в зону поражения цели. А если еще вспомнить о нанесенном диверсией ущербе, то шансов сразиться с врагом на равных у С-200В не существовало вообще.

Тем не менее, среди марки F-4 под литерой «Е» числился один F-4 номенклатуры «G». Он поступил на вооружение Турции совсем недавно, за считанные дни до официального выхода страны из блока НАТО. У него была своя, но предваряющая основную, задача.

* * *

Вот памперсы – о них сейчас галдеж
Ну, и о том, что самки, повзрослев,
На то же место ляпают,
Для целей сходных,
Впрочем
Порошок, опять же, лучше стал,
Чем был недавно, или час назад?
Не помню. Пива – новый сорт,
Ну, словно бы живое —
Пена лезет
Через экран,
В динамиках шуршит, вот вкуса нет,
Но разве это признак?
Зато по цвету лучше порошка,
Приятнее течет – иль то лапша?
На закуску годная, воды добавь и...
Похоже, благодать уже сошла,
Не здесь пока,
А вот в экран, по крайней мере.

10. Печатная машинка и атомные станки без колес

Обработка личного состава ведется не по очень сложной методике, во всяком случае, не заковыристей, чем на Майдане. Тут, правда, нет сопровождения из признанных звезд вокала, салюта и колонок-усилителей. Поскольку в этой оторванной от мира точке, ныне запросто втягиваемой Корташовым в войну, большинство личного состава с западных областей, то подполковник вещает по своему политкорректно, вволю перемешивая как русские, так и украинские слова. Ведь на позиции хватает и русскоязычных тоже. Нельзя чтобы их революционная, и противоправительственная, если по сути, выходка, выглядела как русофобский или же украинофобский переворот. Здесь требуется интернационал, так что всяческие любители грамматической пунктуации пускай подождут.

– Дело такое, братцы, – Корташов рассказывает доверительно, в той самой казарме-рухляди, кою они с Первушиным первоначально приняли за свинарник или склад. – Нашу країну³³ атаковали иноземные загарбники³⁴. Это Соединенные Штаты Америки и Турция. Вы запитаете з відкіль я це знаю³⁵? Есть даже фотоотчеты о последнем налете. Прямо тут, чуть западнее вас, в Василькове, были атакованы с воздуха ракетные дивизионы. В «либерастической» прессе верещат про взрыв на складах – не верьте. Врут в наглую. Все в газетенках – продажная сволота. А в Василькове куча убитых и раненых, ваших же товарищей. Может, з ваших рідних міст. Скажете, зачем американцем это нужно? Так они ж с самого початку руйнують усіх, хто проти³⁶! Вот и до нас добрались. Им нужна войнушка в Европе. Европа, это ж конкурент. Гляди, сколько там стран в куче! Они ж могут когда-то подняться и стать сильнее Штатов в экономике. Вот и надо, чтобы тут все время была разная нестабильность. Война – самое то! Они ж, гаденыши, почему воюют? За что? Вот ты, Коломиец, скажешь?

– Ні, пан полковник, я не вмію, – младший сержант Коломиец смотрит на Корташова во все глаза и с преданностью собаки. – Я листів цих не бачив. Не вмію я так розповісти.³⁷

Насколько пришлые офицеры в курсе, выходец из Львовской области, Коломиец извлек из первичного знакомства многое. Он вроде бы даже втихомолку предупредил сослуживцев, что теперь дедовщине вообще кранты, и лучше он будет как молодой полы драить по ночам, но только б не попасть под горячую руку «цім гансам-бандитам». Они, мол, и пришьют, не моргнут глазом. «А той, що маленьким маскується, той самий вбивця»³⁸. Так что теперь на дивизионе царила тишь, да благодать. Особенно после того, как Корташов немного погугтарил, при закрытых дверях с местным прапором Пацюком.

– Так вот, сослуживцы и братья! – поясняет подполковник. – Америка ж с какого бодуна самая богатая? Думаете, работают лучше всех? Смешно даже. Там же половина негров, да латиносов (это которые мексиканцы). Кем они могут работать? Ни читать, ни писать не вміють. Штаты богаты потому, что у них есть «печатная машинка». Они ж доллары делают. Причем, не государство, а частная контора. Не знали, что ли? Ну вы даете, хлопцы! Все ж знают во всем мире. Они ж денег делают себе сколько хотят и во всем мире на них товарятся. Думаете, почему у них бензин дешевле нашего на заправках? Да вот потому! Выпустить бумажку «сто долларов» это затратить на краску, электричество бумагу... В общем, на все про все – четыре цента (это копейки ихние). Ну вот, они всем и втюхивают. Нефть, металл, компьютеры – все

³³ страна (укр.)

³⁴ захватчики (укр.)

³⁵ спросите, откуда я знаю? (укр.)

³⁶ с самого начала рушат всех, кто против (укр.)

³⁷ Я газет этих не видел. Не умею я так рассказывать (укр.)

³⁸ А тот, что маленьким маскируется, тот настоящий убийца (укр.)

за это покупают. А почему, скажите, никто не возмущается, берет бумагу крашенную в тыщу дороже? Почему, оператор Коломиец?

– Ой, да не знаю я, господарю полковнику! Дурні як пробки, чи щось інше ще?

– Що дурні, то так! Але, це ж не все! У Америці двенадцять атомних кораблів з літаками³⁹ – авианосцев, по-русски. Ни у кого больше нет. Правда, правда, атомных, да еще и таких мощных, ни у кого нет. Если их фарбований папір⁴⁰ перестанут брать – считать настоящей валютой – они всех забомбят, суки поганые.

– От же кляти нігри! – чистосердечно возмущается младший сержант Коломиец. Остальные «хлопцы» просто сидят открыв рот. Ничего такого об окружающем мире им, их сгинувший где-то в далеких семейных сложностях, капитан Жмара никогда не объяснял.

* * *

Ах да, враги внутри шалят –
Кого-то изнасиловали, бьют,
Да, впрочем, криков нет.
Послышалось?
Шуршание кулька?
Что схлопывается, заслоняя небо...
И видно что-то плохо – ракурс стерт,
А мародеры панцири снимают
С оставшихся обрубков человек,
Что службу не несли, и спали
На посту,
А в караулке резались
В картишки.
Теперь там пепелище
И дымит...

---

³⁹ літак – самолет (укр.)

⁴⁰ раскрашенная бумага (укр.)

11. Стиллет и семейка буйволов

F-4G – это маньяк-убийца узкого профиля. Он бесшумная тень, скользящая в ночи и вспарывающая жертвы совершенно неожиданно для их вялого, полусонного шлынданья по улице. Его стиллет заточен, обоюдо остер, и делает свою кромсающую работенку аккуратно и лихо. Никаких тебе вскриков-охов, округлившихся в ужасе глазенок. Мгновенный шаг из темноты, искра лезвия в луче далекого безразличного фонаря и... Вы уже покоитесь горизонтально; какие-то глухие всхлипы, неясные для окружающих спазматические телодвижения. Что случилось? Сердечный клапан встал в другую позицию? Кровь уже имитирует дельту некогда невиданного доселе, – а теперь уже и не получится – Нила. Где? Что? Откуда это течет? Где входное... Ёлы-палы, да здесь какая-то странная борозда по всему туловищу. Болезнь что ли новая? Ага, болезнь. Свиной грипп нумерации «четыре».

Но F-4G не злой маньяк-одиночка. Он работает по найму, в обществе более простых, не столь продвинутых на почве игры в прятки мальчиков с дубинами. Очищает им путь, режет охранников, стражу, всяких дальнотзорких на верхотуре. Потом он уходит, даже не оглядывается. Теперь начнется веселуха, но эти примитивные забавы не для него. Он высокомерный, белокурый бестия, и кривится через губу. Обрушение дубин на черепушки! Фу! Как вульгарно, неаппетитно. Вы б еще пугали для остратки.

F-4G «Уайлд Уизл» вскрывает чужую границу как банку эстонских шпрот: красиво игрушечный Старый Таллинн, хоть так тебя вспоминают. «Уайлд» смешивает с песочком и пускает кровь всем локационным станциям на пути движения ударных групп, он делает коридор, по которому они могут шествовать, поводя жесткими скулами вправо и влево, и не торопясь, слажено перерабатывать в котлеты и фарш все эти бессмысленно торчащие без радаров пусковые платформы, смехотворно замаскированные склады БЧ, прущие шеренгой навстречу казармы, всяческие атавизмы военных городков и... Чего у них там осталось? Просто боеприпасы сэкономились. Впулить куда-нибудь? Понятненько!

«Уайлд Уизл» никогда бы не позволил себе воткнуть родимый стиллет AGM-SSA HARM во что-нибудь не по делу, он любит профессиональную пунктуальность. Например, сейчас там внизу, в этой азиато-образной, опечаточно поставленной в атлас Европы украинской равнине кто-то светит-греет клистронной мощностью, полощет диаграммой туда-сюда. Возможно, даже хмурится, перерабатывая морщинистым лбом светящееся откровение быстротечной, не предусмотренной мезозойской инструкцией, метки. Берет докембрийское звукоъемное устройство, бормочет чего-то, вызывая мембранные конвульсии в трубке. На другом конце съема электромагнитной суеты другая мембрана колеблет застойный воздух подземелья, ушную серную дыру, артикуляции преобразуются в образы, снова в морщинистый лоб. Кто-то вздергивается у плексиглазовой стойки, метит, нумерует цветным мелком, синие пылинки оседают на китель, вогкая тряпица свисает из кармана брюк. Пещерная живопись! Еще б бизона намусолили и себя с копытами, в отороченных перьями юбочках, всем КП. Охотники на мамонтов! Как вы жили без них десять тысяч годков? Пожалуй, наступила пора и вам в утиль. Однако не сей момент. У вас есть еще время поколдовать, над планшетом, серьезно покивать в телефон. Ведь если бизон, оконтуренный жеваной ракушечной краской, проткнут копьём, то он, как бы уже на тарелочке? Детишки. Кто не «заховався»⁴¹ – я не виноват. Их даже жаль, но пусть покуда помастурбируют с мелками, преобразуют бизона в дикобраза своими копытами. У нас другая задача. КП велели не трогать. До поры.

F-4G не имеет привычки хоронится в подворотню сверхмалых. Все-таки выпускать душу из чужих магнетронов в момент бестолковой спячки резонаторов несолидно. «Уайлд Уизл»

⁴¹ спрятался (укр.)

истинный джентльмен, без натяжек, хотя и головорез. Магнетроны с клистроны должны быть в фазе возбуждения, только тогда их нащупает эстетически чуткая противорадиолокационная ракета AGM-SSA HARM. У скальпеля AGM наличествуют мозги, потому даже если глупые магнетроны что-то заподозрят, либо просто засмущаются своих орошающих мир щедрот и перестанут разбазаривать мощность вовне, AGM-SSA напряжется, найдет вдвинутые в ячейку памяти координаты и все равно полетит навстречу. Все буйволы и мамонты должны лежать рядком в гробиках.

Наскально меченая задача F-4G сегодня – уцелевший «Чебурашка» К-1, а так же оставшиеся антенны разведки группы дивизионов в Василькове – маленькая семейка буйволов. Стилет занесен в поисках жертв.

* * *

Опять паяц?
Тот первый, что крючок закинул внутрь.
Идет спокойно, сажит сорняки,
Что зацветают пышно —
Пепел душ на удобренье годен,
Как навоз, иль что другое сходное по сути.
Однако, если взгляд свой заузив,
Смотреть в экран,
То вроде, и не сажит,
А так...
Прыжки, гримасы, сиплое сипенье,
Компьютерный наплыв, вид сбоку, фаз...
Замаскирована атака снова?
Иль кажется?

12. Истребители, танки и рациональный ум

– Николай Владимирович, а ты ведь мне нужен в момент налета, – заявляет полковник Добровольский, когда они с Мордвинцевым стоят возле проходящего наземное тестирование «Мига».

– Каким же образом? – искренне удивляется Мордвинцев. – Думаешь мои «Т – восемьдесят четыре» полетят за вашими птичками клином?

– В том-то и дело, что не полетят. Но ты ж понимаешь, что я, как командир бригады обязан быть со своими? А кто останется тут?

– Ну так, у тебя же есть зам, Олег Дмитриевич. Нормальный, вроде, мужик. Мне понравился. Или ты знаешь про него что-то такое...

– Сашка-то нормальный! – отмахивается Добровольский. – Но ведь у меня опытные летчики просто наперечет. Потому он тоже, однозначно полетит. Вот и...

– А...

– Вот и «А», полковник танковых войск. Я же не камикадзе, все-таки. Хочу, понимаешь, возвратиться сюда и нормально сесть, а не увидеть свою полосу – перегороженную каким-нибудь «майданом», а то и «америкосовскими» джипами из посольства. А чего тебе, правда? Полет-то на истребителе, это не танковый поход в Европу. Тут, туда-сюда – час делов. Потом я прибуду, и все опять под контролем. Даже если спать упаду на часик, все тайно сомневающиеся товарищи, из персонала базы, все равно не решаться выступить против командира.

– Красиво ты песни поешь, – машет головой танкист Мордвинцев. – Час – и все дела. Но ведь не мы же инициаторы действия, так? Мы ж привязаны к агрессору, туркам там, или кому еще. Откуда знаем, когда тебе вылетать? А если ты меня с позиции Бубякина дернешь, так я оттуда буду тот самый час добираться. В аккурат к твоему возврату выстрою почетную линейку из «восемьдесят-четверок».

– Ну, значит, переселяйся покуда ко мне на аэродром. Оставь с Бубой кого-то из надежных ротных.

– А Бубякин как без меня?

– Во-первых, его ракеты все ж без экипажа летают, так что он на месте однозначно. А во-вторых – из чисто рационалистических соображений, так сказать, отрешившись от чувств – сколько у Бубы ракет-то осталось?

– В смысле, от твоих «соколов» на «МиГах» больший прок?

– Такова уж «селяви» на сегодняшний момент. Хотим чего-то добиться, придется действовать рационально.

– Злое правило, полковник ВВС.

– Тебе, танкисту, следовать ему сам бог велел.

* * *

А впрочем о сипенье... Ведь правда есть.
И где же воздух? Но –
Смыкается петля, и рыщут руки –
Манипуляторы с разбитой
Луноходной головой,
Без камеры переднего обзора,
И связи с базой,

Брошенные в Море
Дождей, и глупые,
Как стражники, проспавшие набег...
А целлофан прилип к губам,
Глаза уж не закрыть
И слез не выдавить —
Развалины сухие не потеют.
Ресницами упершись в горизонт,
Придвинутый,
Я корчусь. Сквозь зрачки
Протискивают новые оравы.
И снова порошок...

13. Детерминизм воздушных трасс

Тот, кто представляет современный воздушный бой как свалку в воздухе, пусть и не бестолковую по результату, – сильно ошибается. Обычно все расписано посекундно. Уж для бомбардировщиков-то и вообще подавно. Четкий алгоритм действий для всего этапа. Двигать на такой-то высоте, в эдаком коридоре столько-то минут, секунд. Снижение высоты до такой-то, полет с эдаким-то азимутом. Выход на кабрирование, или «горка» или что-то там еще. Пуски по цели изделиями такими-то и такими-то. Это в случае если передовой нападающий уже сделал работу. Если нет, тогда отставить «горку» или поворот «все вдруг», или еще чего-то там, и пуск изделием эдаким с дистанции такой-то, азимут эдакий. Затем уход на сверхмалые такие-то, разгон на форсаже. Пара «два» подход к цели на высоте, коридоре, скорости (схема, как и ранее, прилагается), пуски с дистанции... Цель «два». Работает группа «четыре». Подход, поворот, еще поворот. Заход с ракурса... Группа «три». Трудится только в случае выполнения задачи предыдущими отрядами. Подход на средней высоте такой-то. Визуальное определение результатов (вот тут уже инициатива). Работа по дымам изделиями такими-то и такими-то. Поворот «все вдруг», азимут, высота, подход к цели «восемь». Оценка результатов предыдущего удара, работа по дымам...

Примерно в таком плане. Само собой, истребителям-перехватчикам дают больше инициативы. Понятно, об автономности БД⁴² тяжелого МиГ-31 можно только мечтать. Они одинокие киты с большими амбициями. Перехватчики меньшего пошиба наводятся с наземного КП. Цель номер эдакая, подход высота, скорость, азимут такие-то. Пуск изделием эдакий, на дистанции такой-то. Оценка результата. В случае ожидаемого, разворот, возвращение, в коридоре таком-то. Если вдруг... Вот тут снова некоторая автономия решений.

Разумеется, случайному прохожему, задравшему в верхотуру голову, все представится несколько другим образом. Возможно, он даже не будет вполне уверен, что наблюдал бой. В самом деле, разброс фигур по небу такой, что требуется поворачиваться. Иногда вроде бы – на уровне чувствительности сетчатки – что-то от боевых машин отделяется – можно идентифицировать как ракету, особенно если на начальной стадии сверкает дюзой, либо пускает инверсионный дымок. Но где уследить, когда она шандарахнула у цели? Конечно, если после облачка белой мороси на голубизне, что-то самолетообразное пойдет совсем кувырком, да с подвыванием впилит в шоссе поблизости, тогда «да», точно война, хотя может и боевые учения, приближенные к реальности. Бог знает, как в этих НАТ-ах тренируются, может свалить чего-нибудь с хрустальной лазури, это в порядке вещей? Да ведь и беспилотное наверняка. Не, случатся пилотируемое. Кто-то на парашюте, вероятно без сознания, идет возвратным ходом к маме-земле. Благо, она за ним не очень соскучилась. Тогда уж, да, явное ЧП в стратосфере, а может все же и война. Черт его знает? Но в газетах напишут. Однако речь не о буратинках все еще верящих в какую-то независимость СМИ, а о происходящем в небе атаках и перехватах.

Если первичный выход на скоростную цель у перехватчика не получился, или не принес желаемого результата, то, да не покажется это странным все тем же деревянным дядям, преследование цели он не предпринимает. В большинстве случаев такое попросту бессмысленно. У истребителя не хватит ни времени, ни ресурса нагнать утерянный истребитель-бомбардировщик.

Посему вся надежда у командира авиаторов Добровольского была на первый заход.

⁴² БД – боевое дежурство

14. Родины близкие и не очень

Штирлицы бывают разные. К тому же имеются господа, работающие в гораздо более сложных условиях, чем товарищ Исаев. Понятно, что штандартенфюреру было трудно – он был один в окружении врагов, и в ситуации провала рассчитывать в плане личного спасения ему было просто-напросто не на кого. Однако у давно, почти в эмбриональные времена покинувшего семью и страну разведчика имелся все же один немаловажный фактор психического преимущества. Он доподлинно знал, что где-то, за семью наспигованными немецкими Крисмарине морями и тридесатью сметенными фашистскими ордами царствами, его любимая Родина все же однозначно существует. В этом плане ему могли позавидовать все верующие мира скопом и в розницу. Райские кущи и дежурящий у их порога Бог-Отец все же посылали из заоблачных далей весьма расплывчатые подтверждения своей истой реальности, вовсе неоднозначно трактуемые, большая же и непоколебимо стоящая на планетарном севере Россия-Мама бомбардировала Штирлица не только криптографическими головоломками поступающими через вполне осязаемую и даже пахнущую дефицитными духами радистку Кэт, но и неумолимо, назло специальным техническим отделам глушения СС, изливающимися из радиоэфира обращениями Верховного Главнокомандующего к дающему сверхплановые снаряды и танки, но покуда частично, хотя и явно временно, попавшему в оккупацию народу. Случись с полковником Исаевым хоть самая большая неприятность – поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся в средневековые камеры пыток гитлеровской контрразведки – он все едино ведал, что его любезное Отечество вскоре еще более поднатужится, освободит плачущие народы мира и поставит по ранжиру у стеночки всех фашистских палачей. Что не говори, а со столь подкрепленными истиной убеждениями, жить на свете куда веселей и работа спорится.

А вот генералу-майору Редьке было куда несподручнее. У него не существовало ни далекой, ни близкой Родины, которая бы пусть и перспективно, не в текущей пятилетке, но завершила бы за него правое дело и поставила на истории большую круглую печать с надписью «Наше дело правое! Победа будет за нами!» Нет, вообще-то истовое Отечество находилось от него не за семью, заставленными там и тут фишками авианосных соединений морями – оно расстилалось прямо здесь, разбегалось по округе, охватывая города и веси. И вроде бы, по крайней мере, до сегодняшнего момента, над ней не покачивали хищностью клювов бомбардировщики карателей, а в райцентрах покуда не открылись рейх-канцелярии колонизаторов. И тем не менее, его Родина уже была надежнейше оккупирована, причем не первый год кряду. Там, в стольном граде Киеве, привольно расположились марионетки-гомункулы, запросто, двадцать четыре часа кряду вещающие с TV-носителя, что бог на душу положит; ясное дело, их собственный, тот самый, прикрывшийся наспигованными ударными носителями морями и тридцатью загнанными в стойло блоковой стратегии царствами. Ныне как раз успешно наращивалась оградка, и поскрипывали приглашающе ворота – плелась новая привязь для очередной кобылки – Неньки-України. Что в таких условиях должен был делать Штирлиц – генерал-майор Редька?

«Извиняюсь, господа рейхо-службисты, но я так не играю, получите назад свои штандартенфюрерские игрушки-побрякушки, петлички и прочее, освобождаю вашу описаную песочницу, уйду гордо, даже без пенсии. Уж кто-кто, а Штирлиц бы так не поступил. Простите, мол, друг-товарищ по НСДАП Мюллер, но по случаю альтернативного варианта, со вступлением Манштейна в Москву и переправы Паулюса через Волгу, я потерял великий смысл своей службистики Рейху, ибо оно было подкреплено лишь служением морозостойкому СССР. Ухожу в монастырь. Где тут ближайший православный, или хотя бы католический?». А то и того хуже. «Уважаемый обергруппенфюрер, нижайше докладываю, что все эти годы тайно сотрудничал с врагами Рейха. Ныне же, убедившись, как он воистину велик, глобусо-наступателен, и как

ничтожны, а так же географически ретроградны его супротивники, приношу клятву трудить спину, оседлавший ее спинной мозг, и до сей поры неверно мыслящий, и не по праву возвышающийся над оным, заблудший мозг головной, только во славу и в пользу Великой Германии, моей воистину второй, однако ныне заглотнувшей первую, Родины».

Дилемма.

15. Самолетный ресурс и оранжевые подарки

Целью взлета «МиГов» из Василькова никак не могла явиться простейшая показуха: «Ой смотрите, как нас до фига!», ибо следующей фразой значилась бы: «Так что если мы еще и стрелять научимся, да еще будет чем, то ничего-то вам турки не обломится». Простая демонстрация активности дала б нулевой эффект. Разве что агрессор внес бы в готовящиеся планы коррекцию, о присовокуплении к обороняющимся дополнительных сил, против коих тоже надо принять контрмеры. Значит, команду «Взлет разрешаю!» следовало отдавать только после того, как армада янычар, либо их тайных союзников, обозначится хотя бы на каком-то из радаров обнаружения. Благо, танково-ракетный десант, под руководством подполковника Корташова удачно присовокупил к арсеналу мятежников две разнотипных станции дальнего радиолокационного обзора, а так же высотомеры и прочее. Плохо оказалось то, что такие мощности выявились несколько избыточными, ибо все многокилометровые кабельные связи замыкались на командный пункт группировки «Центр», который в мятеже не участвовал и войну с турками вести не собирался. Счастье, что с помощью местного персонала «Объекта-4» удалец Корташов умудрился перенацелить на аэродром и группу дивизионов радиорелейную вышку. То, что все эти захваты новых объектов вели к экспоненциальному расширению охраняемых территорий, было отдельной песней, страшно нервировавшей танкового полковника Мордвинцева – это своя отдельная история. Сейчас речь не о ней, а о войне самолетной.

Итак, удар истребителей должен был оказаться внезапным, и при определенной удаче, сокрушительным. Тем не менее, уничтожение максимального числа летательных средств агрессора не могло считаться целью приоритетной. Ибо оказалось бы прекрасно, если бы все бомбовозы врага шли по одной траектории, большой плотной когортой. Тогда и встречный удар стало бы возможно сделать таким же прямолинейно тупым, и дело бы решило качество и количество выпущенных друг по другу ракет и пушечных снарядов. Принимая во внимание, что враг все же, и почти наверняка, готовился к войне исключительно с наземным противником, то еще неизвестно, кто бы из участников победил по очкам, даже при первичном соотношении самолетов не в пользу украинцев. А с учетом же того, что на грубый удар, еще удалось бы использовать некоторую ответную *тактику*, то получилось бы оказаться совсем добрыми молодцами. Однако командир летной бригады №40 Олег Дмитриевич Добровольский вовсе не надеялся на игру в поддавки. Куда более реалистичным выглядело нападение янычар несколькими группами, которые бы выходили на цели с разных ракурсов, разных высот, и по некоему загодя продуманному связному графику.

Потому, не имея ни стратегической радиолокационной, ни, тем более, спутниковой, а тем паче, экзотической агентурной разведки (которая, кстати, учитывая базирование турчаков в украинском Крыму, могла бы экзотикой и не быть), операторы обороняющихся никоим образом не могли бы определить какая из групп для чего предназначена. Вполне получалось спутать разведывательный, или даже отвлекающий удар с основным бомбардировочным. Исходя из этого, перед истребителями ставилась задача по возможности перехватить все обнаруженные группы самолетов, дабы пусть и не уничтожить, но хотя бы сорвать максимальное количество заданий врага. Единственная помощь, на которую они могли рассчитывать, был последний на Украине С-200. В этом плане Добровольский с Бубякиным обсудили вариации взаимодействия. Сил у полковника ЗРВ осталось в обрез. Однако и у Добровольского их наличествовало не слишком избыточно.

Тут сказались все годы славной борьбы за демократию, как оранжевого, так и прочих оттенков. Допустим – не первостепенно, но важно – что на оперативных, то есть доступных вот сейчас сходу (без захвата неизвестно где размещенных стратегических запасов) складах бригады не хватало ракет, дабы вооружить все наличные самолеты по полной оснастке. Помогло

то, что беды, как и самолеты агрессора, ходят группами. Ибо, опять же, не все из МиГ-29 Сороковой бригады тактической авиации могли взлететь. Причин для чего, в свою, не радужную очередь, имелось несколько. Многие боевые машины были давненько раскурочены, так как превратились в залежи бесценных запчастей для своих братцев, случайно оказавшихся более везучими, или попросту более новыми. Затем, в бригаде, не хватало летчиков. Точнее, опытных летчиков. Постоянная нехватка керосина, а так же не афишируемая компания по сбережению ресурса истребителей, привела к тому, что налет часов основного количества личного состава оказался ниже всякой планки. И потому, и тут тоже, как и в случае с самолетами, приходилось забирать у некоторых все (в плане часов реальных тренировок), дабы выдать другим в достаточной мере. Ныне, все это сказалось одновременно. Война – есть жестокая проверка государства на живучесть.

Теперь из всей бригады, выставить для реального боя, у Добровольского получилось только двенадцать машин. Самых лучших летчиков на самых лучших самолетах. Да, можно было бы набрать еще – и того и другого. Не много, но можно. Но первый вылет на перехват настоящего противника, никак не следовало сочетать с обучением азам. План вероятного удара по турчанкам и так держался на волосинке; стало бы полной глупостью утяжелять ее искусственно.

16. Использование селекции в военных целях

Так что Штирлиц Редька служил. Хотя бы из принципа, дабы до срока, который у любого военного, кроме маршала, неминуем в пору расцвета (по крайней мере, так всегда почему-то думается), не сдавать должность полковникам, тем, что более всего на свете жаждут «у Амэрыщю». Правда, он почти решил для себя – будет нести караул до официального вступления «країни»⁴³ в «атлантисты». Потом: «Извините, господа хорошие, англо-мовные, но тут уж как-нибудь без меня. Устал; тяжек воздух нам земли». А пока, не имея распоряжений из канувшего в лету социалистического Отечества, и даже из какого-нибудь другого, не своего, типа заморско-тропической чавесовской Венесуэлы, он нес службу как водится. В конце-то-концов, не хотелось слиться в строю с повально прущими в армию лентяями, до уровня коих даже разгильдяйской офицерской братии восьмидесятых, молча, без тика и рыпанья к кобуру, пронаблюдавших растаскивание на части Союза, было ой как далеко. Естественно, попадались службисты, но те больше заботились о карьере, чем о боевой готовности. Если для движения к цели, ее получалось окончательно послать на фик, то делали они это с превеликим удовольствием. Однако у генерала-майора Редьки никак не шло из головы, что служит он все же в противовоздушной обороне, то есть в совершенно не наступательном виде вооруженных сил. Тем паче ныне, когда войсковые ЗРК поставлены на прикрытие мегаполисов. Черт возьми, конечно же, жители этой страны продолжали оставаться не блеющими, терпеливо ждущими манны небесной, овечками, но неужели это считалось достаточным поводом для оправдания предательства их безопасности от бомбардировки с воздуха? Понятно, для кого-то считалось, но уж никак не для генерала Редьки.

Николай Николаевич относится к своим истинным обязанностям со всей возможной старательностью. Кстати и к бюрократической стороне дела тоже, ибо бумажная волокита, несмотря на все уверения мечтателей-технократов двадцатого века, наглой контрабандой перетянула увесистые тюки сюда, в двадцать первый. Все компьютерные причиндалы оказались просто довеском, маскировочной сетью. Поскольку бесхозный Штирлиц – Редька – работает командиром полка, то бумагомарательной волокиты у него выше крыши. Благо имеется кое-кто в штате занятый исключительно такими делами. Это очень и очень кстати, ибо с некоторых пор в бумагомарательство вплелся новый вредоносный фактор – вся бюрократия творится на мове. Фактор вопиюще важен для всех приезжих инспекций, он даже затмевает важнейшую в былом тоталитаризме строевую подготовку. Не исключено: это связано с отсутствием бетоно-, а так же асфальто-производственных мощностей равных союзным. Где прикажете маршировать, печатаая шаг? На расчищенном лужку? Мово-лопотание настолько величественно, что настоящая боевая подготовка на ее фоне, что уборка сортиров: делать кто-то должен, но особенных специалистов-сантехников военные училища не выпускают. В армии Самостийности отменен даже стройбат – исключительно криминогенная, но и весьма рентабельная армейская структура в плане увековечивания человеческих усилий в камне. Видимо строить для Вооруженных Сил Украина ничего и не собирается. А зачем, в самом деле? Плакаты в «ленинских комнатах», конечно, запрещено переводить слово в слово – надо изгаляться мыслью, менять «змист»⁴⁴ и стиль коренным образом. И портреты тоже лучше бы заменить на крепостного Шевченко (будет повод рассказать солдатушкам о том, как счастливо жили их праотцы под поляками), или лучше Махно, но без ордена «Красного знамени» на фото (маловероятно в теперешнее время, но могут выискаться неуместно вопрошающие умники). Короче, бумаготворчества пруд

⁴³ страны (укр.)

⁴⁴ змист – содержание (укр.)

пруды. Мальчики жаждущие отслужить положенный годик в армии легко, должны с подростковых портков овладевать искусством рисования и каллиграфического письма.

Николай Редька в этом не очень, но благо он проскочил период юности давно и теперь имеет в подчинении штат. Есть время заняться сортирами, то бишь невостребованной свыше боевой работой. Тут уже приходится быть истинным Штирлицем. Да, кстати о штатной структуре. В условиях резкого сокращения количества наземно расставленного ПВО, число командных должностей убавилось. Потому генерал стоит в полковничье-подполковничьей ячейке – в уровне командира полка. Конкретно, 156-го зенитно-ракетного. Но с другой стороны, если судить по охвату, а главное значимости прикрытой этим полком территории, тут должна быть как минимум бригада, но лучше дивизия. Это конечно на штатном поле былой мощи СССР, когда ПВО значилось отдельным видом ВС. Теперь оно, как у американских старших братьев, входит в ВВС. Правда, толку от данного вхождения нуль целых, нуль в периоде, ибо на самом деле в подчиненной Редьке группировке обороняющей две области и более семи миллионов граждан Самостийности «боевые летающие ударные комплексы», то есть, попросту, истребители – отсутствуют начисто. В таких условиях, выполнение задачи прикрытия неизбежно ветвиться в непролазное дерево из возможностей. Точнее, из невозможностей.

Защитить более ста городов тремя дивизионами «Буков», при всей их продвинутости, попросту нельзя. Мало того, что пусковых и локаторов, да и готовых к взлету ракет просто не хватит ни для чего, так еще и сам «Бук» создавался вовсе не для таких глобальных функций. Его зона поражения и даже зона обнаружения целей не охватывает всей территории, а при теперешнем разбросе позиций, еще и не обеспечивает взаимное перекрытие этих зон: что в тоталитарные времена управления страны хмурыми, но практичными дядьками, конечно же предусматривалось. Может стоит, действительно, переключить энергию военного творчества на контроль тщательности перевода табличек на кабинетах? Однако Николай Николаевич учился не на писаря. Творческую жилку приходится затачивать на садоводство. Дерево возможностей надо со всей серьезностью прививать и обхаживать.

Итак, у нас три дивизиона – в общем двадцать семь пусковых. Попробуем... К сожалению Редька не един в трех лицах. Потому неплохо бы иметь на должностях командиров – активных мальчиков-майоров думающих не только о мовоязычии, но и о боевой... Где распоряжения сверху, ставящие одно выше другого? Где разрешение похе...ть мовоблудие и заняться боевой работой? Нет такового распоряжения, а потому мальчики-майоры, а уж тем более седые дяди подполковники, озабоченные карьерным ростом, могут в тихую отписать в верхние эшелоны престольного града Киева бумаженцию на той самой мове. Мол, так и так, оный генерал «Редька», то бишь «Редька», не уделяет должного внимания подготовке к слиянию с атлантическим сообществом старших братьев, а вместо этого изнуряет подчиненных не востребованной ныне инженерной подготовкой, а так же тренировкой в неактуальной ныне защите от оружия массового и прочего поражения, из-за чего солдаты и офицеры не успевают осваивать англо-, и даже украиноязычные команды, а оставаясь неучами по-прежнему пользуются примитивную, варварски вычурную российскомоновную терминологию. От имени офицеров-патриотов, стоящих под «жовто-блакитным прапором»⁴⁵ героев прошлого Роман Шухевича и Ярослава Стецько⁴⁶, просим разрешить невозможную ситуацию. Дата, подписи: доблестные налогоплательщики такие-то и такие.

Нормальный Штирлиц обязан учитывать человеческий фактор. Генерал Редько – есть Штирлиц работающий не по найму, а по особым образом составленному пучку нейронных соединений, то есть, по убеждению. К тому же, армия есть в большом смысле окостеневшая, ячеистая структура. Диктатура там возможно в пределах своего сотового участка, не более.

⁴⁵ желто-голубым знаменем (укр.)

⁴⁶ известные бендеровские и «оуновские» «герои» сотрудничавшие с фашистами.

Генерал с шестью звездами – это, конечно, если считать оба рубашечных погона, плюс китель и шинель, а так, разумеется, с одинарной звездой – не имеет права составлять свой отдельный, сугубо личный штат. Офицеров могут назначить откуда угодно, перевести сверху, снизу, из параллельных структур – армия продолжает сокращаться, идет великая тасовка людей в зеленом (ах да, в ВВС – в голубоватом). Однако в некоторых пределах генерал все же генерал. Можно посылать запросы на утверждения, прикладывать характеристики с поощрениями или взысканиями. А уж их-то ты волен навешивать гроздьями, и кстати, иногда, пошушукавшись с начштаба, вписывать или не вписывать в бумажный, а так же компьютеро-дублирующий учет.

Если набраться терпения, а у Штирлицев оно обязуется быть по определению, то через некое количество месяцев – в худшем варианте – лет – получаешь нужные, собственноручно выращенные тобой кадры в требуемых структурой клеточках. Конечно, желательно успеть ранее очередной пертурбации всей структуры: если судить по закону Паркинсона – система украинской армии еще не стабилизирована. Возможно, удастся расставить все на места до полной кристаллизации. А тогда...

Как известно, правильность кристаллизация системы проверяется жизнью. В плане армейское структуры – войной. Если повезет, то...

17. Клок краски в небесной лазури

Сегодня все не по-честному. Всяческие азиато-африканские туземцы внизу должны, конечно же рисовать мелочками медвежат и буйволов исколотых булавками, подшивать их портреты в секретные папки, ругаться со старшими бедуинами через мембрану, чистить перья в юбках, приплясывать вокруг костра, сыпать в него снадобья для дымчести, приносить ритуальные жертвы нарядами и боевыми дежурствами, затем вздыхать горько: «Снова не получилось!», и еще с большим усердием утаптывать железобетон плит на плацу, водить хоровод у знамени, клясться тотему в верности и грозить небу каменными топорами. А клистроны их все едино обязаны наносить на небе локаторную татуировку абсолютно зазря, в смысле, наоборот, на горе, привлекать стилеты HARM-ов прямым в телесные углы передающих антенн. Так должно быть, ибо так уж повелось. Повелось в ливанах, ираках, ливиях, сербиях и прочих глобусных топологиях. Однако сейчас зачем-то произошел сбой устоявшейся последовательности.

МиГи-29 вышли на цель. «Уайлд Уизл» конечно паренек приткий, однако его костяк все же F-4, старый трудяга «Фантом». Он вылутился из лабораторий «Макдоннел-Дуглас» слишком давно, дабы безнаказанно бряцать погремушками перед зрелыми мальчиками. МиГ-29 конечно тоже не захваленное рекламой «пятое» поколение: по сравнению с оными он несколько туповат. Потому он тем паче не терпит недосказанностей и не переваривает сложности экивоков. Он боевой очиститель неба. Всяческую рухлядь он сдергивает отсюда с хрустом рвущихся суставов, но не без артистичности. Конечно же «Уайлд Уизл», сравнительно с «Фантомом», доработан всяческими примочками. К примеру, он без труда, причем почти одновременно, глушит импульсно-доплеровские РЛС сразу двух «МиГов». Однако сегодня одинокому маньяку-убийце не везет – видимо, не его день. Дистанция уже достаточно сократилась и ближние из «МиГов» звена удосуживаются задействовать датчики-теплопеленгаторы. Конечно же, разумный вид третьей от Солнца планеты породил вторую природу – на свете наличествуют инфракрасные ловушки. Но предпринимать что-то против теплового локатора «МиГов» уже поздно. Через секунду, что весьма и весьма немного, ибо взаимная скорость дает за такое время более шестисот метров сближения, размещенные внутри истребителей летчики активирует нацеленную систему целеуказания. Вообще-то это есть перебарщивание и трата времени, попросту дубляж. Явно сказывается отсутствие настоящего боевого опыта, и в других обстоятельствах за такое можно поплатиться. Тем не менее, от «МиГов» уже отделились целых четыре Р-73.

Теперь скальпировщик «Уайлд» должен умудриться обмануть этих юрких стокилограммовый бестий. Довольно трудно, а в отношении маневра бесполезно вовсе. Старик F-4 никоим образом не может выдать ускорение двенадцать «G», хотя ему очень и очень надо. Но на высоте менее трех километров такое даже принципиально невозможно, тем более он уходит вниз, к этой не столь гостеприимной, как подумалось поначалу, украинской земле. Так что вся надежда на тепловые ловушки. Но вообще-то, на случай сбоя сопровождения, пара «МиГов» никуда не исчезает, она продолжает сближение. Ракет для выполнения задачи – более чем.

Но все действительно не по-честному. Так не должно быть, да и не бывает. Маньяк «Уайлд Уизл» еще даже никого не прикокнул, даже не достал из чехольчика свой стилет, а его уже под белы ручки. За что, господа хорошие? Я же... А для профилактики, для профилактики! Для чего ж еще?

Стародавний клок краски на голубой небесной лазури Украины стирается просто-таки легко. Ох, а что это за дымка? Что за мушиный помет на небеси? А, приближается банда головорезов с дубинами. Ой, ой! Интересно, они позаботились прихватить чего-нибудь для воздушной катавасии, не только утюги для раскатывания равнины внизу?

18. Самая боевая из эскадрилий

Полковник ВВС Добровольский вообще-то мог разбить свою дюжину самолетов – то есть одну полноценную эскадрилью – на шесть действующих единиц, то есть пар – «ведущий-ведомый». Однако такое расщепление сил, во-первых, было не самым эффективным делом, а во-вторых, не смотря на то, что он использовал *самых лучших* из наличных пилотов, у него вовсе не имелось убежденности, что все шесть пар сработают с одинаковым КПД. Если по чести, то он совсем не был уверен, что в некоторых из этих групп «ведущий-ведомый» кто-то вообще сможет самостоятельно справиться за «ведущего», а уж тем паче с относительно сложным заданием. Причем, все заикливалось не только на недоподготовке летчиков. За всю свою достаточно долгую службу, Олег Дмитриевич не мог припомнить ни одного случая, когда сразу шесть пар самолетов использовались бы одновременно, но по отдельности, да еще в совершенно новой, наверняка быстроменяющейся обстановке, помимо всего, однозначно в условиях постановки противником радиоэлектронных помех. То есть, даже сам наземный КП бригады был к такому раскладу не готов. Однако будь Добровольский паникером и пессимистом он бы не то, что постеснялся примкнуть к офицерскому мятежу ракетчиков, но и вообще никогда не выбрал профессию летчика. Он прекрасно ведал, что не боги горшки обжигают. Если у его людей будет время и некоторая удача, то они наверняка научатся многому, и тогда уж посмотрим, кто кого. Но в первом вылете следовало действовать максимально аккуратно – с учетом риска войны, как таковой, что естественно.

Поэтому он принял самое простое из возможных решений – предусмотрел изолированное действие каждого из трех звеньев эскадрильи. Естественно это и было максимально допустимым числом групп противника, которые эскадрилья, то есть вся Сороковая бригада могла атаковать одновременно вообще. Исключая невероятную удачу, если вдруг какие-то группы агрессоров будут входить в зону контроля звеньев последовательно, причем с интервалом, позволяющим так же последовательно расправляться с их предшественниками, и так, по крайней мере, до полного истощения боеприпасов или горючки. В такое было очень трудно поверить.

Однако в действительности все оказалось еще сложнее.

19. Амэрыця

Но любая дилемма разрешаема. Черт возьми, а что если радистку Кэт повязало СД, крипто-блокнот подчистили мыши, а в длинноволновом приемнике речистостей «замечательного грузина» Иосифа, от близких разрывов «пятисот-футок» союзников лопнули пентоды с тетрами? В такой мозговой блокаде может напредставляться чего угодно, вплоть до маршировки танкистов фельдмаршала – или до кого он там дослужится, в связи с перевыполнением задач – Гота по Сенатской площади и закладки больших, толстых фугасов под Кремль. И что же теперь, автоматическим образом перестать служить удалившейся с политической арены стране? Извините, но в разведке так не принято. Там принято верить и ждать, продолжать носить маску и тянуть лямку нелегкой эсэсовской службы, до удивительной поры, когда на явочном подоконнике снова зацветут горшки с условными астрами, а вернувшаяся с декретного отпуска Кэт приволокет в колясочке с двойняшками новую, с иголки, рацию заморского производства, на полупроводниках.

Вот генерал-майор Редька и ждал. А покуда, не терял времени даром, ибо врага требуется знать в лицо, ведать его повадки и выявлять слабо-бронированные пяточные точки бифуркации. Потому он въедливо читал спущенные с верхотуры стольного града директивы, на темы внедрения «единомовности», пропаганды среди личного состава «необхідності»⁴⁷ атлантической хартии, крепления блоковой спайки с евро-атлантами, неуклонной веры в ПДЧ, прославления славнейшей из битв – Конотопской, любви к помазанникам божьим – Петлюре и Бульбе-Боровцу, а так же сказочным сочинилкам о прекраснейшем из времен, когда истинные полицаи-патриоты смело и на равных сотрудничали с теми самыми абверовцами, с коими вел тайное сражение легендарный Исаев и застигнутый недругами в подъезде профессор Плейшнер.

Впрочем, на счет близкого знакомства с вражеским вооружением до сей поры получалось не очень. Прижимистые дружки из НАТО покуда не раскошеливались на «подарунки»⁴⁸, чаще сами были не прочь чего-нибудь умыкнуть. Например, ракеты и саму ФАР комплекса С-300П. А еще просили, по-доброму и за здорово живешь, довооружить каких-нибудь приبلудных убогих, типа кавказцев. Что тут же и делалось завсегда и с удовольствием. Генерал Редька однажды даже самолично участвовал в такой «продаже». Отгружали кое-что по его специализации – комплексы «Бук». Выбрали получше и поновей. Так же, как когда-то в Полтаве сортировали русские Ту-160 на закание. В первую очередь резали пришлым америкосовским тягачом-рубильником машины с самым малым количеством часов налета. Торопились, ибо трусили еще покуда – зайки серенькие – вдруг колос закордонный не слишком-то в спячку впал, а так, притворяется; а то очнется – во, расвирепееет-то! Вначале газовые трубы резанет, а там, глядишь, пустит какую-нибудь газо-химию по ветру прямо без труб. Будет тут вам река Ипр прямехонько по Днепру и Азовскому морю. Но пронесло, заспался монстрик, нацепили на него «гайдарчики» ошейничек, что надо. Вот уж дедушка Гайдар порадовался за внучика, перевернулся в своей бесгробной солдатской могиле.

Правда, однажды Редька все же угодил на какие-то курсы укрепления нового братства по оружию. Съездил в заграницы. Дали там М-16 пощупать, в столовку солдатскую сводили. Половине генерал-стажеров дальше уж и следовать не хотелось. А вот Редька даже улучшенный «Хок» полапал, да в кабине управления на дисплеи поглядел. Включить не дали – ресурс, говорят. У капиталистов с этим строго. Конгресс – деньги только на ПРО. Так что со столовой интересней и питательней получилось. Даже продолжение следует. Как-то он встретил двух

---

⁴⁷ необходимость – необходимость (укр.)

⁴⁸ подарки (укр.)

генералов из той группы. Причем встретил не случайно, оные прибыли из Киев-града прямо в его полк, с проверкой боевых порядков и «прочее прилагается».

– Здоровеньки були, пан Редька! Подиж ти, друже, вже⁴⁹ генерал! – высказались киевляне.

– Так я ж, їм і був⁵⁰, – удивился генерал Редька. – Чи забули⁵¹?

– Ой, забули, ой, забули, пан Редька! – сказали проверяющие. – Чого ж тоді не зустрічаєш⁵², як справжній⁵³ гетьман? Чого така не гарна⁵⁴ тарантайка зустріла⁵⁵ з літака⁵⁶?

– Так ото ж, – ответственвал провинившийся Редька. – Ото ж, отакі в нас тарантайки – «Уазы», ніяк ні «Хаммеры».

– А згадуєш, як воно було в Америці? – расплылись в улыбке проверяющий генерал номер «один». – Ото так! А яка кухарня⁵⁷! А яка їдальня⁵⁸! Тридцять п'ять перших блюд!

– А як ти, друже, схопив лишку «Кока-колы», сгадуєш? – подмигнул Редька.

– Ото ж, тай не хочу й сгадувати. Ото ж, ніби⁵⁹ низя генералу узяти попоти цю колу? Може я...

– Дуже зацікавився⁶⁰ тамошнім віски, – дополнил Редька.

– А то ти не цікавився, Микола? – обиделся генерал «один».

– Тай и я ж цікавився, а як же, – признав командир полка. – А то ж, мені ж не треба⁶¹ бігти з ранку⁶² на зарядку, так?

– О, – вспомнил генерал «два». – Ай справді⁶³, як вони усій базой з самого ранку бігуть! Ото да!

– То да, – «пожурився»⁶⁴ генерал «один» разом с Редькой. – І солдати (то як треба⁶⁵), і сержанти (то згоден⁶⁶), і младші звання офіцерів (то хай⁶⁷), та ще і старші офіцери, так ще й генерал! Жорстоко⁶⁸, дуюже жорстоко.

– Ото да! – «засумував»⁶⁹ генерал «два». – Та й пригодай⁷⁰, Микола, ще й жінки⁷¹ бігуть!

– Ще й дітини, – «подрахував» Редька.

– Ото ж так у той Америці.

---

⁴⁹ уже (укр.)

⁵⁰ был (укр.)

⁵¹ или забыли (укр.)

⁵² встречаешь (укр.)

⁵³ справжний – настоящий (укр.)

⁵⁴ красивая (укр.)

⁵⁵ зустріла – встретила (укр.)

⁵⁶ літак – самолет (укр.)

⁵⁷ кухарня – кухня (укр.)

⁵⁸ їдальня – столовая (укр.)

⁵⁹ как будто (укр.)

⁶⁰ заинтересовался (укр.)

⁶¹ надо (укр.)

⁶² с утра (укр.)

⁶³ и правда (укр.)

⁶⁴ опечалился (укр.)

⁶⁵ как и надо (укр.)

⁶⁶ то согласен (укр.)

⁶⁷ то пусть (укр.)

⁶⁸ жестоко (укр.)

⁶⁹ затосковал (укр.)

⁷⁰ припомни (укр.)

⁷¹ женщины (укр.)

– Зате тридцять п'ять перших справ⁷²! І це в солдатської їдальні⁷³, ні в офіцерської!
– Так у офіцерської, мабуть за гроші⁷⁴, панове, – «підкреслів»⁷⁵ Редька.
– Ото ж так, за гроші, – «зовсім»⁷⁶ засумував генерал «один».
– Ато ж вони і отримують забагато⁷⁷, – «доповів» генерал «два».
– Ото ж, забагато.
– А нас, товстих, та леньких узяти б в Америці у генерали? – «запитав» Редька.
– Які там генерали, Микола! Нас і в капітани не узяти б.
– А то, і в рядові, – додавил генерал «два».
– Добре⁷⁸, не сумуйте, – підбодрил генерал Редька. – Зараз⁷⁹ вас у корчму поведу. Ви ж гостювати, так що за мій рахунок⁸⁰.
– Ото гарно⁸¹, – сказали генералы.
– І до купи⁸², а капітанах, – додавил генерал «один». – У тебе якийсь дуже «приткий» капітан – призвище... е-е...
– Так Корепанов вжеж, – підказал генерал «два».
– Ото ж, Корепанів. Надобно нам його дівізіон перевірити. Отак.
– Так і перевіриті, дуже⁸³ вдячний⁸⁴ буду, – согласился Редька. – Я ж його вам і хотів показати. Найкращій мій дівізіон. Справді кращій, не брешу.
– Ото ж і перевіriamo.
– Стрельби бойові з першої ракети завсїгда, – похвалился генерал Редька.
– Ото ж так, – снова заулыбались проверяющие генералы. – Не Америця в нас, немає тридцять п'ять сніданків, а все ж у ціль – першою ракетою. Так? Треба за це й горілочки.
– Ото ж так, треба, – согласился генерал Редька и повел панов проверяющих «снідати» за собственные «кошти»⁸⁵.
Тут не Амэрыця.

---

⁷² блюд (укр.)

⁷³ столовая (укр.)

⁷⁴ за деньги (укр.)

⁷⁵ подчеркнул (укр.)

⁷⁶ совсем (укр.)

⁷⁷ получают очень много (укр.)

⁷⁸ ладно (укр.)

⁷⁹ сейчас (укр.)

⁸⁰ счет (укр.)

⁸¹ хорошо (укр.)

⁸² до кучи (укр.)

⁸³ очень (укр.)

⁸⁴ благодарен (укр.)

⁸⁵ деньги (укр.)

20. Встречи, расставания и обмен реактивными любезностями

– Бог мой, – сказал танкист Мордрвинцев, летчику Добровольскому, – у вас всего-то дюжина боевых самолетов, а вы вышли воевать против турок, амеров, да еще и против наших местных сволочей. Как вы решились Олег Дмитриевич?

– Сами-то лучше что ли, Николай Владимирович? – подморгнул авиатор. – Ваши-то танки влезли в кучу-малу еще пораньше меня. Или тебе честно ответить, Николай? Тут дело такое. Краем мозга я, конечно же, питаю надежду, что нас все же поддержит кто-то еще. Но главное не в этом?

– Да?

– Я сделал выбор за всех своих парней. Можно так выразиться, не демократически навязал. Они поставлены на баррикаду войны с этими уродами, захававшими весь мир. Не про турок речь, понятно. Эти-то шавки как раз на стороне силы. Знаешь, типа как в какой-то старой песенке... Вот не помню ни хрена автора, да и текст не очень. В общем: «тара-та... С какими вы были? Не с теми, кто бился, а с теми, кто бил...», ну и что-то там еще.

– Мысль ясна, Олег, – кивнул танковый полковник.

Ныне все «не демократически» втянутые в войну летчики-истребители ушли в небо на своих так же «не демократически» облапошенных машинах.

Реальность оказалась еще сложнее, чем предусмотренные загодя вариации. Только восемь «МиГов» сумели уйти с аэродрома тут же по обнаружению противника радарам. Четыре застопорились, из-за того, что держать все самолеты неизвестно какое время в максимальной готовности не получалось. Пока их довели до ума, передовые уже ввязались в бой. Из-за потерянного момента и неясности дальнейшего, было принято решение, покуда оставить последнее звено в резерве, то есть в полной готовности к взлету и с летчиками в креслах, но не взлетать. На командном пункте 40-й бригады в это время наблюдали за индикаторами, и пытались исходя из движения меток и знания плана операции своих сил, воспроизвести на планшете упрощенную модель происходящего в действительности.

Первым звеном истребителей руководил сам Добровольский. Они обязались перехватить компактную группу целей идущую со стороны Кировограда. Тем не менее, предполагая наличие у противника всяческих «Сэнтри» и прочих чудес, нормально оснащенной армии, не стоило действовать слишком прямолинейно. Используя по возможности предельно малые высоты, истребители отвернули от Василькова в сторону Днепра. Здесь они полетели почти над самой водой, кланяясь силе Кориолиса, которая сделала правый берег реки обрывистым и высоким, то есть достойно прикрывающим их маневр. Сами они лавировали в режиме радиомолчания, а так же до поры не включали радары. Скольжение над руслом великой украинской реки не позволило набрать сверхзвуковые скорости, но для ожидаемого успеха следовало чем-то жертвовать. Только миновав городишко Канев, группа выпрыгнула из-за обрыва, наращивая скорость. Теперь машины включили бортовые радары.

Первая средневысотная цель, кстати, не засеченная средствами КП, была выявлена всего в сорока километрах от группы. Один из истребителей тут же выпустил по ней две подвешенные под крыльями ракеты Р-27Р. Ракеты являлись самонаводящимися, но все же не автономными системами: чужака требовалось подсвечивать бортовым радаром. Судя по поведению метки на экране, противник обнаружил облучение и начал ставить активные помехи. Более того, он смог сорвать наведение радара в самый ответственный момент, то есть, до дистанции «ракета-цель» в двадцать пять километров. В смысле, еще до того как головки самонаведения познали вождение самолетного «мяса» перед собой, то есть, вошли в режим автосопровождения.

дения. Так что через очень малое время обе Р-27 ушли куда-то в неизвестность, а потом на самоликвидацию.

Это было неожиданно и неприятно, но у «двадцать девярых» наличествовал еще и другой вид оружия. Поскольку дальность до цели определить не получалось, из-за забивших радиоприцельные комплексы обоих самолетов явно искусственных помех, истребители задействовали теплопеленгационную систему наведения на цель. Оказывается, дистанция до агрессора сократилась до двадцати и даже менее километров. Похоже, противник слишком понадеялся на свою радиомаскировку и не изменил первоначальных планов, намереваясь проскочить мимо. То было явно ошибочное поведение. Первый, а так же второй из «МиГов» активной пары практически секунда в секунду запустили по две из четырех наличных ракет малой дальности Р-73, никоим образом не страдающих опасной ныне зависимостью от радаров.

Похоже, все четыре сработали приблизительно в пяти метрах от цели, которая наконец-то предприняла маневр по уходу на малые высоты. Однако Р-73 вполне способна отслеживать неприятеля на фоне земли и уничтожать его даже в двадцати метрах от подстилающей поверхности. Уйти же от нее с перегрузкой бессмысленно, ракета выдерживает двенадцать «G», и способна развернуться на «пяточке» в двести метров. Однако любование победой отнимало время, между тем как обстановка в воздухе менялась молниеносно. Отпочковавшиеся от звена истребители прекратили сопровождение и включились в новое общее дело, которым уже вовсю занималась другая пара «четверки» Добровольского. Ведь в шестидесяти километрах обнаружилась та самая, исходно намеченная компактная группа. Общий состав более десятка целей. Пара «два» уже выстрелила по ней четыре Р-27Р, и занималась их наведением, одновременно продолжая сокращать дистанцию, для возможности задействовать ракеты малой дальности Р-73, а там, кто знает, может даже и пушек ГШ-30.

Единственный отставший от товарищей в расходе ракет средней дальности пилот также включил свой радиолокатор РЛПК-29, обеспечивающий одновременное сопровождение десятка целей. Столько ему, конечно, не требовалось, ибо Р-27, как и у остальных имелось всего-то две.

Турки (а может, и американцы, кто сейчас мог разобрать подробности за десятки километров) почувствовали угрозу и начали маневрирование. Группа распалась, приступив то ли к спонтанному, то ли к загодя отработанному расхождению по высотам и азимутам. Тем не менее, четыре из шести пущенных Р-27Р подорвали свои БЧ там, где и намечалось. Но все же там было не четыре, а три выведенных из строя цели: по числу локаторов сопровождения, ибо в одном случае произошла досадная накладка. Однако дистанция менее тридцати и даже двадцати пяти километров уже позволяла использовать другое оружие. Так что «МиГи» незамедлительно выпустили все оставшиеся в наличии Р-73. Но сейчас, судя по радарам, навстречу истребителям противник отправил что-то свое, скорее всего, АИМ-9 «Сайдвиндеры».

Благо, все еще лучшие в мире ракеты ближнего боя – подарок от почившего СССР – Р-73 – действовали по правилу «выстрелил и забыл», так что полковник Добровольский мог с легким сердцем скомандовать подчиненным «Все, господа! Маневр против радаров наведения и уходим!», и первым вошел в переворот через крыло с пикированием. Имелась очень большая вероятность, что натовские – или уже не натовские – черт ногу сломит, чьи – ракеты потеряют их перехватчики на фоне земли, а то и попросту не догонят.

21. Как один капитан двух генералов прокормил

Наверняка паны генералы с большей радостью снова бы прокатились в Амэрыццю, однако ныне их присылают проверить какую-то Тьмутаракань, почти кацапцского подбрюшья – размещенный в Донецкой области полк ПВО. Ну что ж, иногда приходится отрабатывать, пусть и не «амэрыканськэ», но все же генеральское денежное довольствие, той затрапезной державы коей служишь, тем более, данная область размещена как бы в будущей прифронтовой полосе. Для начала, в качестве знакомства и для замены ритуала обмена анекдотами, паны генералы рассказывают непросвещенному и «нэ амэрыканському» командиру дивизиона – вовсе не подполковнику и даже не майору, всего-то капитану (очуметь можно!) Корепанову – о службе в Амэрыщи, а «також»⁸⁶ – особо – о тридцати пяти блюдах в тамошней солдатской столовой. По всей видимости, это имеет непосредственное отношение к повышению боевой готовности, кою они и прибыли проверять.

Затем протекают многие часы суматохи, ибо прибывшие генералы, а так же, разлитые с ними в один проверочный флакон, полковники, смотрят строевую выправку, блеск ботинок, заправку коек, документацию старшины по распределению нарядов и выдаче носков, а так же прочую суть скудного быта какой-то зачуханной, вовсе не «амэрыканської» армии, по странной прихоти жаждущую приобщиться к славно-упитанному, блестящему с иголки блоку НАТО. «Ото так», – кивают друг другу просвещенные дядьки в лампадах, хмуро глядя на какие-то каракули в военных билетах и офицерских удостоверениях, стоящих навтыжку ракетчиков. Потом приходится снова седлать, вовсе не «амэрыканске» колесное чудо – красавец «Хаммер», а какую-то «Волгу», трястись по выбоинам и даже совсем уже без дороги (за что по пути перспективному капитану сделано наставительное замечание), и, в конце-концов, извлекать откормленные туловища из салона, не на ухоженном плацу, а чуть ли не на лесной опушке. Правда в первые секунды, раздобревшие на долгой гос-службе паны генералы даже приятно удивлены, ибо в лесной чаще они, в обыденной житии, бывают только по случаю пикников или охоты на дичь, а так же в фазе совмещения обоих процессов. Но до пикника, оказывается, еще тянуть и тянуть ляжку. Выскочка капитан даже начинает несколько раздражать. Стоит и ждет чего-то около «Волги», почти с оценивающей ухмылкой глядя на генералов. Тут явно какой-то ребус, от них ждут некоего действия. «Отож в Амерыщи, у тому Тэхаси, була така жора, що мы з кумом...», – продолжает прерванную историю один из круглощеких близнецов. Однако от них ждут не этого. Выходит, они уже находятся на боевой позиции ЗРДН! «Погодьте, пан капитан Корэпанов, а дэж...?» Но как раз в этом и фокус: им требуется оценить маскировочные мероприятия. Дивизион здесь, вокруг.

Корепанов вовремя подхватывает уважаемого гостя под локоток, когда второй близнец едва не спотыкается о присыпанную дерном кабельную жилу. А вот пришлому полковнику не успевает помочь никто, потому он нелепо растягивается на пузе. Такой поворот сюжета «дюжэ» смешит обоих генералов. Обстановка разряжается. Видевшие Амэрыццю не только по TV начальники натурально восхищены: оказывается машина управления – «9С470» – всего в тридцати метрах от них, а не видна нисколечко, и даже антенны связи выглядят как молодая поросль.

Затем следует захватывающий и шумный спектакль с показом боевых возможностей, правда, без самого главного – стрельбы. Зато всяческие пуско-огневые гусеничные монстры отряхиваются от сдавивших их маскировочных сетей, трусят туда-сюда по полянкам, легко давят в пыль трухлявые пни, учебные ракеты ходят взад-вперед, с пусковой машины на заряжающую и обратно, то в автоматическом, то в ручном режиме. Солдатушки-браво-ребятушки

⁸⁶ также (укр.)

в поту, но совсем не воняет, и вовсе не из-за применения в быту украинской казармы одеколна «Шанель», просто расчет действует в условиях радиационного и химического заражения – казаки в резиновых средствах защиты, так что всё, что воняет, остается там, внутри, на индивидуальном уровне потребления. Когда же атомная тревога отменена, расчеты носят совсем уж мультипликационно-быстро. За такое, пожалуй, даже стоит закрыть глаза на некие недочеты и сбои ноги при торжественном марше на плацу накануне.

Во внутренность гусеничного командного пункта 9С470 генералы протискиваются с трудом и не все сразу, а последовательно. Обилие светящихся лампочек восхищает. Неистощимые излияния об Амэрыци даже на некоторое время смолкают, ибо оба гостя смутно помнят, не проспали ли они тамошнее экскурсионное посещение «Хока». Возможно, тогда имелась альтернатива – что-то более захватывающее. Естественно, долгое нахождение в пышущей жаром кабине утомляет, скучная монотонность индикаторного сияния даже норовит окунуть в дрему, но генералы ребята не старые, они затевают веселую игру по толканию друг дружки локтями, за что едва не расплачивается дышащий на ладан, но все еще тянущий лямку фото-контроля учебных стрельб, фотоаппарат «Зенит». Слава Христу, сверку всяческих импульсов запросо-ответчиков и замеров соотношений «сигнал-шум» в приемной системе можно стряхнуть даже не на полковников-сопроводителей, а на свиту майоров из службы вооружений. Теперь можно выйти на свет божий порадоваться солнышку и теньку. Оказывается не только. Ведь делу время, а потехе? Тоже время.

Стынет, стынет на лужайке, атакуется какими-то всеведущими мухами, коим человеческое ПВО до одного места, обед, который по распорядку. Ну конечно демократия, есть демократия: «Не стесняйся, садись с нами на равных, капитан Корепанов. Пригубим, чем бог послал, – приглашают они комдива украинскою мовою. – А вот в Амэрыци... О, горилки там не було!» – вынуждены констатировать недоработку заокеанского Пентагона генералы-путешественники. Но все же под горилочку сказки скоро сказываются, и потому опять Амэрыця, да тридцать пять блюд в солдатской «їдальні». А еще история о том, как в первый день, на обеде, увидев безхозно-халявную «Пепси-колу», генералы-туристы возжелали прихватить с собой для вечернего запивона по бутылочке, но вовремя одумались, ибо заметили странные взгляды окружающих солдат негритянской и прочей наружности. А еще оказывается, «ананасы, пан капитан, дуже якісні»⁸⁷ и сбэригают у нутри рэчовыны⁸⁸...».

Вот тут пан капитан Корепанов уже как-то не выдерживает, видимо сказываются бессонные ночи и дни подготовки к проверке.

– Знаете, паны генералы, – заявляет он, не стягивая с лица добродушной улыбочки, чем сбивает с толку собеседников, жаждущих чего-то пикантного к ананасам. – А вот на полигоне, мой дивизион, не смотря на отсутствие пятидесяти, или скольких, там, порционных закусок, всегда отстреливается на «пятерку».

– Вот, – находятся генералы, ибо в штабных эмпиреях «дужэ» наострились выбирать из любых канцелярских передряг, – вот, пан Корепанив, чем и сильна наша радянська⁸⁹... ой, боже! Да, украинска ж армия! Она завсегда может на «видминно»⁹⁰. Слухай, кум, на сколько тоди стрільнули амэрыканськы хлопцы? Не пам'ятаєшь? Та ні, точно не на п'ятирку».

А когда дело докатывается до третьей бутылочки (в ход, для разнообразия, идет коньячок) и рельсы разговора, после серии анекдотов, заколдованно вырывают все к той же Амэрыци, Корепанов, так же, «по демократически», несколько принявший на грудь, снова не удосуживается держать язык за зубами. Ибо чуть потерявшиеся в местоположении генералы, закусывая

⁸⁷ полезны (укр.)

⁸⁸ речовина – вещество (укр.)

⁸⁹ радянська – советская (укр.)

⁹⁰ відмінно – отлично (укр.)

грибочками, делают весьма скоропостижный вывод, о том, «що и у нашої армії, тэж потчуют не погано».

– Уважни паны, – сообщает им Корепанов то, что конечно не должен был. – Вы уж извините, но чтобы накрыть этот стол, мне пришлось собрать со всех офицеров по двести гривен взносов. А куда деваться? У нас на банкеты финчасть грошэй не предусматривает.

И за столом становится как-то неловко. Но благо, горилка еще наличествует, можно подбавить сочности вечеряющему лесному воздуху.

Некоторое время после, где-то месяц-два, капитан Алексей Яковлевич Корепанов тайно, и не без ужаса, ожидает смещения с должности. Удивляется, когда все-таки присваивают майора. Чудес «выстачае»⁹¹ и без Амэрыци.

---

⁹¹ вистачає – хватает (укр.)

22. Осколочно-фугасная география

Звену «два», поднятому фактически одновременно со звеном «один» Добровольского, не повезло. Руководил им майор ВВС Зятюк, зам Олега Дмитриевича. Но возможно виноват был и не он: ошибку допустили при авральном планировании; кто-то на КП неправильно предсказал маневр врага. Кроме того, задним числом появились подозрения, что турки использовали помехи по линии связи, ибо взлетевшие, действительно были вынуждены несколько раз менять частоту приемника, из-за шумов в радио-эфире. Задача истребителей была перехватить группу целей, неясного состава, движущуюся с юго-запада в направлении Житомира. Перехват должен был произойти где-то в районе украинского городка Сквир. Однако когда истребители Александра Зятюка оказались на месте, группа чужих уже ушла севернее и удалялась. Попытаться достать «Фантомы» (одна из самых вероятных идентификаций, оказавшаяся впоследствии правильной) на догонном курсе было делом глупым. Тем более, одновременно наземными радарными выявилась новая групповая цель.

Эта группа бомбардировщиков вошла в границы Киевской области с юго-запада. Вообще-то то была не одна, а сразу несколько согласованно действующих стай. На каком-то этапе полета одна из них даже использовала устье Днепра, лишний раз доказав, что о тысячекратной работе силы Кориолиса, а так же о спутниковых картах Украины ведомо не только самим украинцам, а и всем неленивым. Целью групп, как первоначально решили на КП и сами же удивились до жути, значился аэропорт Борисполь. Однако, как позже выяснилось, все же не он, а как раз прикрывающий его, и находящийся в готовности «три» – то есть, в сорокаминутной для открытия «огня» – дивизион С-300ПС, помещенный юго-восточнее столицы. Естественно, по указанию киевских миролюбцев всякая военная суетня на дивизионе запрещалась, так что он даже не поднялся по тревоге, и боевые расчеты на рабочих местах не находились. Потому неизвестно, чтобы произошло с позицией, если бы не мятежная активность соседей.

Первое, что сбило лихость чужой атаки, была прибывшая из стратосферы ракета 5В28 отправленная временно исполняющим обязанности командира дивизиона «один» майором Мальцевым. Вероятно нападающая группа, в боевом порядке которой она подорвалась, знать не знала, о ее приближении. Тридцать семь тысяч поражающих элементов, разлетающиеся по округе на сотню метров – это очень серьезно. Особенно, если вы передвигаетесь по небу в алюминиевой конструкции, обвешанной боеприпасами. Похоже, ракете «двухсотого» удалось поразить сразу два самолета. Эффект был такой, что кое-кто из нападающих отказался от дальнейшей атаки и ушел на север. Второе, а частично и первое решение объяснялось тем, что на группу было перенацелено звено майора Зятюка. Оно развернулось у Сквир, и теперь, уже не маскируясь малыми высотами, неслось на сверхзвуке к Борисполю. Вероятно, о его приближении нападающим сообщили. Потому как одна из подгрупп, в составе трех F-4, тоже отказалась от атаки, и, не сбавляя скорости, ушла, так же на север, оглябая Киев с востока. В итоге в боевых порядках попивавших чаек «трехсотчиков» подорвалась только две осколочные бомбы марки М81, по сто восемнадцать кг каждая, и комплекс лишился всего одной из четырех пусковой с ракетами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.